

ЮРИЙ ТОМИН

НЫНЧЕ

ВСЁ

НАБОРОТ

**ЮРИЙ
ТОМИН**

**НЫНЕ
ВСЁ
НАОБОРОТ**

ПОВЕСТЬ

**ЛЕНИНГРАД
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1977**

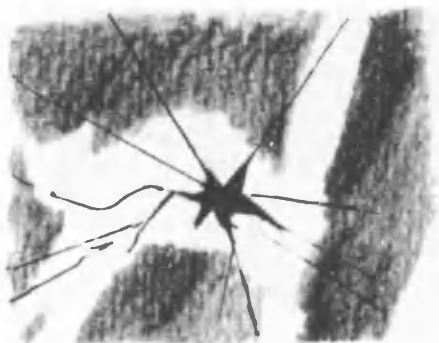
Р 2 ср.
Т 56

Издание второе

Рисунки С. Спицына

70803—118
Т—270—77
М101(03)—77

© Издательство «Детская литература»,
1977, иллюстрации.

ДВА МАЛЬЧИКА

Все началось с того, что Славик Барышев кинул гайкой в кошку, которая грелась на подоконнике первого этажа. Гайка была маленькая, даже удивительно, как она могла разбить стекло.

Радостно взвизгивая, осколки посыпались на асфальт. Натренированным взглядом Славик оглядел замерших на месте прохожих и, не раздумывая, бросился в сторону женщины с продуктовой сумкой. Женщина присела, развела руки, стараясь задержать Славика. Сумка, встретившись с его животом, шлепнулась на панель.

Славик бежал очень быстро, но все же со скоростью меньшей, чем скорость звука, и поэтому совершенно отчетливо слышал за спиной крик женщины:

— Держи его! Пять десятков яиц разбил!

Славик нырнул в проходной двор, выскочил на соседнюю улицу, вбежал в садик и остановился. Никто не гнался за ним. На всякий случай он прошел в дальний угол сада, к летней эстраде, и уселся на скамейку. Вид у него сделался серьезный, даже немного задумчивый. Со стороны могло показаться, что на скамейке сидит человек, отдыхающий от своих, несомненно полезных и добрых, дел. Наверное, за такого человека и приняла Славика молодая женщина, сидевшая на той же

скамейке. Она несколько раз взглянула на него и очень вежливо попросила:

— Мальчик, ты не можешь две минуты посмотреть за ребенком? Я пойду поищу сына.

— Пожалуйста, — согласился Славик. — Хотя десять минут.

— Большое спасибо! — обрадовалась женщина, подвигая к Славiku детскую коляску. — Ты не бойся, он кричать не будет, он спит.

— А я не боюсь. Чего мне бояться! — сказал Славик.

Женщина ушла. Славик уперся подбородком в холодную ручку коляски и снова задумался. Ему было о чем поразмыслить. Прежде всего о Юрке. Они шли вместе, и Юрка Карасик, его друг, остался на месте преступления. Славика он, конечно, не выдаст, но его могут отвести домой и Юркина мать сразу догадается, кто был с ее сыном. Она немедленно доложит обо всем матери Славика. Его мать — учительница. Поэтому она ужасно честная. Она немедленно помчится платить за стекло и разыскивать женщину с продуктовой сумкой.

На этом месте размышления Славика прервал вопль младенца, возникший сразу, без всякой подготовки. Впечатление было такое, будто младенец взорвался.

«Ну и голосок, — подумал Славик. — Как у «скорой помощи!»»

Он растерянно огляделся. Женщины нигде не было видно.

— Ну, ты! — сказал Славик, наклоняясь к младенцу. — Тихо ты! Агу, агу... Замолчи! Чего орешь? Тебя же никто не трогает. Агу, говорят тебе.

Младенец взвыл с такой силой, как будто только что проглотил паровозный гудок. Славик с отчаянием взглянул в ту сторону, куда ушла женщина, и увидел Юрку. Тот подходил к скамейке, удивленно округляя глаза.

— Откуда ты его взял? — спросил Юрка.

— Да тут одна попросила...

— А что, неплохая маскировочка, — согласился Юрка. — Если они за мной следят и придут сюда, то никто даже на тебя и не подумает.

— А чего он орет, ты не знаешь?

— Голодный, наверное. Они всегда голодные.

— У меня полбублика осталось, дать ему бублик?

— Не надо, — сказал Юрка. — Еще подавится. Дай ему соску. Вон он ее выплюнул!

Только сейчас Славик заметил соску, валявшуюся на одеяле. Он подобрал ее и сунул в широко открытый рот младенца. Тот мгновенно умолк, будто его выключили. Лицо его сразу

подобрело. Он уставился на Славику прозрачными голубыми глазками и зачмокал.

— Ну говори, чего там было? — спросил Славик.

— Ты когда убежал, они все сразу в меня вцепились. Стали кричать, что я твой товарищ и чтобы я их к тебе домой отвел. А я говорю: «Откуда вы знаете, что он мой товарищ? Я его вообще первый раз вижу. Мы с ним случайно рядом шли». Тогда они спрашивают: «Из какой он школы?» Я говорю: «Откуда я знаю из какой?» Тут подошла продавщица из углового магазина и говорит: «А я его сквозь витрину видела, как он бежал. Это сын Владимира Барышева, диктора с телевидения».

Из-за отца Славику приходилось страдать не впервые. Отца знали чуть ли не все в городе. Но из этого у Славика выходили одни неприятности. Тем, кто не имел таких знаменитых отцов, жить было куда спокойнее. Им никогда не говорили, например: «Как тебе не стыдно, а еще сын шофера». Или: «Ая-яй-яй, а еще сын водопроводчика...» А Славика все почему-то стыдили его отцом, словно тот был не простым диктором, а каким-нибудь знаменитым артистом, вроде Тарапуньки или Штепселя. «Ай-яй-яй, — говорили Славику, — а еще отец на телевидении работает. Просто странно, откуда у такого отца такой сын».

Славик пробовал отмалчиваться — не помогало. Один раз он попытался применить против врага его же оружие. Когда сосед по лестнице застал его верхом на перилах и начал свое обычное «ай-яй-яй...», Славик спросил:

— А у вас отец кто был?

— Мой отец был рабочим, — с гордостью ответил сосед.

— Ай-яй-яй, а еще сын рабочего! — сказал Славик и захохотал вниз по ступеням.

Сосед не погнался за ним. Он поднялся на один этаж и позвонил в квартиру Славика. Он звонил долго. Славик наблюдал за ним снизу и тихо смеялся. Он знал, что дома сейчас никого нет. Но сосед оказался человеком настойчивым и пришел еще раз, вечером. Мама извинилась перед ним за грубость сына. Потом она заставила извиниться сына. Потом Славику пришлось извиняться перед мамой за то, что она извинялась. А в воскресенье он остался без кино.

Сегодня Славик пострадал из-за любви. Продавщица влюбилась во Владимира Барышева по телевизору. Всякий раз, завидев его, она бросала покупателей и прилипала к стеклу витрины. Конечно, вместе с отцом она не один раз видела Славика.

Славик вздохнул: от судьбы не уйдешь.

— И зачем только ты в стекло бросил? — сказал Юрка.

— Да не в стекло, а в кошку. Я ее уже сто лет ненавижу! Чего она целый день там сидит? Когда утром в школу иду, мне всегда спать хочется... А она там спит себе спокойненько! Когда из школы иду, мне уроки делать не хочется. А она опять спит, никаких ей уроков делать не надо. Надоела она мне — и все!

В эту минуту к скамейке подбежала запыхавшаяся женщина, волоча за собой мальчика лет четырех.

— Вот видишь, — говорила она ему, указывая на Славика, — хороший мальчик сидит и нянчит твою сестренку. Этот мальчик всегда слушается свою маму и не убегает от нее. Верно, мальчик, ты слушаешься свою маму?

— Это я? — спросил Славик.

— Да, ты ведь слушаешься? — повторила женщина и подмигнула Славику.

— Да, я всегда ее слушаюсь, — заявил Славик. — Каждый день.

— Вот видишь, — сказала женщина сыну, — видишь, как ведут себя хорошие мальчики.

Она поблагодарила Славика и ушла, толкая впереди себя коляску. Сын ее плелся рядом с ней и время от времени обращивался, чтобы показать Славику язык.

— Теперь они домой к нам придут, жаловаться будут, — уныло сказал Славик. — Прямо не знаю, что делать.

— А мне тоже домой не хочется, — сказал Юрка, вздыхая.

— А тебе-то что? Не ты же стекло разбил?

— Да я вчера пылесос включал...

— Ну и что?! — сказал Славик. — Пылесос, что ли, нельзя

включить? Ничего не будет. Еще похвалят за то, что ты в комнате убирал.

— Да я не убирал, я им мух ловил. Им здорово мух ловить. Только поднесешь, она — раз и туда всасывается!

— Ну и подумаешь!.. Никто же не видел?

— Никто.

— Чего же ты боишься?

— Да я его уронил, там что-то пыхнуло... Теперь не работает.

— А ты его поставь на прежнее место. Мама подумает, что он сам перегорел.

— Да у него еще крышка раскололась...

— Вот это уже хуже... — протянул Славик.

— Это еще не хуже, — сказал Юрка. — Пылесос-то соседский. Вот что хуже.

Славик свистнул. На минуту он даже забыл свои неприятности.

— Вот это да! — сказал он. — Чего же ты теперь будешь делать?

— Откуда я знаю, что делать, — грустно проговорил Юрка. — Ты же сам знаешь — мне всегда не везет. Это уж я с детства такой. Главное, сначала все хорошо было. Я их сначала на столе ловил. Специально сладкой воды налил на стол. Они прилетят, а я их — раз! — и засасываю. А потом я хотел одну прямо на лету засосать... А он как грохнется! Сначала крышка отлетела, а потом уже пыхнуло...

Славик на минуту задумался.

— У тебя мама вчера когда работала? — спросил он.

— Вечером.

— Так, может, она ничего еще не знает! У меня дома три рубля накоплено. Пойдем в мастерскую и починим... Может, его за рубль починят. Тогда она вообще не узнает.

— Как же она не узнает, если, когда пыхнуло, весь свет в квартире перегорел.

— Значит, она еще вчера про пылесос узнала?!

— Откуда я знаю, — уныло проговорил Юрка. — Я от страха у бабушки ночевал.

Славик неодобрительно посмотрел на Юрку.

— Вот это зря, — сказал он. — Теперь тебе еще больше попадет! Может, она тебя всю ночь искала?!

— Ну да, — ответил Юрка, — она сразу же бабушке позвонила, когда с работы пришла.

— Так вот почему ты сегодня в школу без тетрадок пришел! — догадался Славик. — Чего же ты Майе Владимировне не объяснил, когда она тебе двойку за домашнее ставила?

— А чего объяснять... — сказал Юрка. — Все равно не поверят.

— Вообще-то обидно, — посочувствовал Славик. — Из-за какой-то мухи...

— Ясно, из-за мухи, — грустно сказал Юрка. — Из-за кого же еще?

Славик и Юрка замолчали. Они сидели и думали о своих несчастьях, о том, как все-таки неважно устроена жизнь, потому что ни один солдат не имеет столько командиров, сколько их у самого обыкновенного школьника. Дома распоряжаются родители. В школе — учителя. Но и во дворе, на улице, в трамваях и троллейбусах их тоже не оставляют в покое. Все учат их, следят за ними, чтобы они не бегали, не прыгали, не сорили, не шумели, не били стекла, не попадали под машины, не дрались, не чавкали, не вытирали рукавами носы, не катались на перилах и вообще не делали ничего, что хочется. Мир вокруг был переполнен учителями. Правда, кое-что они разрешали. Разрешалось быть вежливым, опрятным, послушным, ласковым, тихим, скромным, прилежным. Разрешалось не бить младших и не лазать по деревьям. Можно было делать все, чего как раз не хотелось. Жить было трудно.

— Знаешь, Славик, — со вздохом сказал Юрка, — мне даже во сне все время снится, будто я от кого-нибудь убегаю или прячусь. Знаешь, как во сне трудно убежать. Ноги переставляются медленно, медленно и будто воздух мешает бежать. Меня во сне все догоняют. Только когда догоняют, я сразу просыпаюсь от страха. Один раз за мной Майя Владимировна гналась с ножницами — хотела голову отстричь за то, что я урок не выучил. Я забежал на чердак и — на крышу. А она

тоже — на крышу. Я бегаю по крыше и кричу: «Как вам не стыдно по крышам лазать, вы же учительница». А она за мной бегают и молчит, только улыбается. Потом догнала, как щелкнет ножницами!.. А я как заору и проснулся. Лежу и соображаю: было это на самом деле или не было. И сразу вспомнил, что я как раз русский не выучил. Тогда я потихоньку встал, пошел на кухню и от страха с одного раза выучил. Даже один параграф лишний.

— Во сне — это ерунда, — сказал Славик. — А вот чего нам теперь делать? Тебе-то еще хорошо. Ты хоть у бабушки можешь пожить. А вот мне жить совсем нигде.

Славик и Юрка опять замолчали. Они сидели на скамье и с тоской смотрели на копавшихся в песке ребятишек. Двое из них затеяли ссору из-за песочного куличика. Они поссорились минутку, а потом началась ужасная драка. Ребятишки сидя черпали песок совками и по очереди посыпали друг друга, тихо и горько плача. Так бы они, наверное, и засыпались насовсем, если бы их не разняли матери.

Эта маленькая ссора подсказала Славiku третий выход.

— Юрка, — сказал он, — давай и мы подеремся!

— Как подеремся!

— А так. Изобьем друг друга, чтобы синяки были и кровь текла.

Юрка с опаской посмотрел на Славика и чуть отодвинулся.

— Это зачем? — спросил он.

— А затем. Придем домой и скажем, что на нас напали хулиганы. Вид у нас будет избитый, нас и пожалеют. Тебе за пылесос ничего не будет, а мне за стекло.

— Н-не знаю... — с сомнением протянул Юрка.

— Давай! Знаешь, как здорово получится!

— А мы по-настоящему будем драться или вроде бокса?

— Конечно, по-настоящему! Главное, чтобы синяки были и кровь...

— Да я с тобой драться совсем не хочу.

— И я с тобой не хочу, так ведь нужно...

— Ну давай, — неохотно согласился Юрка. — А где мы будем драться?

— Вон там, — сказал Славик, показывая в сторону летней эстрады. — С той стороны дырка есть, можно залезть под сцену — никто не увидит.

Под сценой было темно и сыро. Сквозь щели в полу проникали косые лучики солнца. Стоять можно было только пригнувшись. Для хорошей драки не хватало ни простора, ни света.

— А кто будет первый бить? — спросил Юрка.

— А все равно. Пускай я, — охотно согласился Славик.

— Нет, уж лучше я, — сказал Юрка.

— Почему — ты? Я же первый придумал?!

— Ну и пускай, — сказал Юрка. — Раз я не придумал, тогда я вообще драться не буду.

— Тогда бей ты, — решительно сказал Славик. — Вот сюда бей, тут сразу синяк получается.

Славик ткнул пальцем в свой лоб — чуть повыше левой брови.

Юрка нерешительно замахнулся, шагнул вперед и остановился.

— Не могу, — сказал он. — У меня против тебя злости нет.

— А ты вспомни чего-нибудь, — посоветовал Славик. — Ну, помнишь, я твою самописку сломал?

— Ну, драться еще из-за самописки...

— А чернила тебе пролил на коленку!..

— Так ты же нечаянно.

— Какое тебе дело — чайно или нечаянно?! Бей давай!

— Так я же знаю, что нечаянно.

— А вот я нарочно, — сказал Славик.

— Как это нарочно? — нахмурился Юрка.

— А вот так — взял и пролил. Тебе ведь дома попало?

— Попало.

— Вот я и хотел, чтобы попало.

— Значит, тебе мало, что мне всегда и так не везет? Тебе мало, что мне всегда попадает? Ты еще нарочно делаешь, — сказал Юрка с горечью, но без всякой злости.

— Конечно, нарочно, — улыбаясь, подтвердил Славик.

Тут в Юрке зашевелилось что-то нехорошее. Ему и так не везло в жизни. Сто человек по сто раз могли бросаться тряпками в классе. Ничего с ними не случалось. Но если один раз бросал тряпку Юрка, то она обязательно летела на входившего в класс учителя. Тысяча человек могли по тысяче раз благополучно съезжать по перилам. Но для Юрки всегда находился гвоздь, который расплосовывал ему штаны. Миллион человек могли по миллиону раз пинать мяч, получая от этого только удовольствие. Но если в футбол начинал играть Юрка, то мяч с первого же удара сбивал шляпу с какого-нибудь прохожего.

Нет, напрасно улыбался Славик.

Юрка почувствовал вдруг, что ему уже хочется стукнуть Славика.

«Сейчас я ему попаду, — подумал Юрка. — Я ему попаду как раз в то место, где синяк сразу получается». Юрка наме-

тил точку чуть повыше левой брови, размахнулся и... Ну, что тут можно сказать? Только то, что десять миллионов человек могли бы десять миллионов раз попасть Славику по лбу с расстояния в полметра... Не смог только Юрка. Он вскрикнул и присел на корточки, морщась от боли. Балка, о которую он ушиб руку, когда размахивался, была бетонная.

— Больно? — сочувственно спросил Славик.

— Иди ты к черту! — простонал Юрка.

— Ты подуй, — посоветовал Славик. — Или приложи земли, тогда не так больно. Уж лучше бы ты головой стукнулся, хоть бы синяк был. А так все зря.

— Тебе еще головой надо?! — заорал Юрка не своим голосом.

Юрка вскочил и тут же трахнулся о низкий настил, на этот раз головой. Он взвыл не от боли даже, а от обиды и выбежал наружу.

— Юрка, подожди, мы же еще не подрались! — закричал Славик.

Но Юрка, не обращая на Славика внимания, шел по дорожке парка.

...И ДЕВОЧКА

Славику стало совсем тоскливо. Вдвоем страдать было все-таки полегче. Славик посмотрел на часы, висевшие на столбе. Было уже четыре. «Нет, лучше все-таки идти домой», — подумал Славик и тут же увидел Галку Сафонову. Она медленно брела по дорожке и смотрела в небо.

— Ты чего тут разгуливаешь? — спросил Славик.

— А ты чего разгуливаешь?

— А я просто стою, — сказал Славик.

— А я просто хожу.

— А чего ты домой не идешь?

— А ты чего не идешь?

— Гуляю, — сказал Славик. — Погода хорошая.

— Ну и я гуляю.

Галка прошла мимо Славика, добрела до конца дорожки и повернула обратно.

— Все гуляешь? — спросил Славик.

— Все гуляю.

— Ну и гуляй, — сказал Славик. — А я домой пойду.

— Ну и иди, мне все равно.

Когда Галка через несколько минут вернулась, Славик все еще стоял на дорожке.

— А я думала, что ты уже дома, — сказала Галка.

— Индюк думал, думал и в суп попал, — ответил Славик.

На это остроумное заявление Галка ничего не ответила, что было совсем на нее не похоже. Она посмотрела на Славика грустным взглядом, и Славик не понял, грустно ли ей вообще или просто потому, что он такой глупый.

Как бы то ни было, выглядела Галка довольно странно, и Славик вдруг подумал, что ей по какой-то причине тоже нельзя возвращаться домой.

— А я, может, совсем домой не пойду, — заявил Славик.

Галка оживилась. Теперь она смотрела на Славика с интересом.

— Почему?

— А ты никому не скажешь?

Галка помотала головой.

— Это, конечно, нечаянно. Просто не повезло... — сказал Славик и рассказал все от начала до конца.

— Стекло — ерунда, — вздохнула Галка, — у меня хуже... Я папины часы сварила.

— Зачем?! — изумился Славик.

— Это не нарочно. Просто я рассеянная. Вчера папа с мамой ушли в театр, а я есть захотела. Стала яйца всмятку варить. Их нужно варить по часам — три минуты. А у папы есть часы, он их никогда не носит, только гостям показывает, потому что они какие-то старинные. Они такие — как яйцо. Я их взяла и стою около плиты, жду, когда вода закипит. Она закипела, а тут как раз телефон зазвонил. Я бросила в воду яйцо и побежала. Это звонила мама во время антракта. Она меня

спрашивает: «Ты не скучаешь?» Я говорю: «Нет». Она спрашивает: «Ты чего делаешь?» Я говорю: «Яйцо варю всмятку, ты меня не отвлекай, а то у меня все переварится». А сама смотрю на часы — сколько минут прошло. А в руке у меня не часы, а яйцо. Я как брошусь на кухню, а в кастрюле не яйцо, а часы. . .

— Вот это да! — воскликнул Славик. — И они совсем испортились?

— Не знаю.

— Ну хоть тикают?

— Нет, там внутри что-то булькает. Я их обратно положила. Только все равно папа сегодня заметил, их как раз сегодня заводить нужно.

— Попало здорово?

— Нет еще. Он их заводил, когда я уже в школу пошла.

— Ага, — сказал Славик, — теперь понятно, почему тебе гулять захотелось. Ты просто домой идти боишься.

— Ничего я не боюсь. У меня сегодня папа в рейс улетает, он только через два дня вернется.

— А когда улетает?

— В семь часов.

— Так ты до семи будешь гулять?

— До скольких захочу, до скольких и буду, — сказала Галка. — И ничего я не боюсь. Я же стекол не разбивала.

— Ты-то не разбивала, — подтвердил Славик. — Только стекло можно вставить, а вот часикам — крышка. Уж лучше бы ты их не варила, а жарила — тогда бы хоть внутри не булькало.

— А твое какое дело?!

— Никакое, — сказал Славик. — Ты уж лучше сейчас домой иди, а то тебе один раз сегодня влетит — от мамы, а другой раз, когда отец вернется. Получится, что два раза влетит вместо одного.

Галка задумалась. Пожалуй, Славик говорил верно. Непонятно только, почему у него голос такой, будто ему приятно, что ей влетит.

— А ты чего радуешься? Тебе, что ли, не влетит? — спросила Галка.

— Я не радуюсь, — сказал Славик. — Я и сам не знаю. . . Только мне как будто приятно, что не одному мне сегодня попадет, а и еще двоим из нашего класса. Мне даже теперь не так обидно.

— Почему еще двоим попадет? Мне, тебе, а кто третий?

— Юрке Карасику.

— А-а, Карасику. . . — спокойно сказала Галка. — Ну, это не считается. Ему же всегда не везет.

— Тебе, может быть, не считается, — возразил Славик, — а у него пылесос сломался.

— А у него всегда чего-нибудь ломается, — сказала Галка. — Давай лучше придумаем, что нам делать.

— Ничего я не могу придумать, — вздохнул Славик. — Пойдем Юрку найдем, может быть, он что-нибудь придумал. Галка пожала плечами.

— Раз уж мы не можем, так он и вовсе не сможет.

— Почему? .. — сказал Славик. — Он же не глупый, а просто невезучий. Для себя он не может, а для нас вдруг и придумает.

Юрку они нашли в дальнем углу парка. Он стоял, приподнявшись на цыпочки, и терся лбом о ногу женщины, стоявшей на постаменте. Женщина, сжимая в руках весло, задумчиво глядела в небо. У нее не было одного уха.

— Чего он делает? — шепотом спросила Галка.

— Наверное, шишку лечит, — тоже шепотом отозвался Славик. — Он головой об пол стукнулся.

Юрка услышал их шипенье. Он обернулся и, увидев Славика, нахмурился.

— Чего ты за мной ходишь?! — сурово спросил Юрка. — Я же тебе сказал — не ходи за мной.

— Брось ты злиться, — мирно сказал Славик. — Я же не виноват, что ты обо все головой стучаешься. Пока ты шишку лечил, мы с Галкой думали, как тебя спасти...

— А ты ей уже все разболтал! — возмутился Юрка.

— Ей можно, потому что ей тоже домой нельзя. Она часы сварила.

Сообщение про часы Юрка воспринял как неуместную шутку. Он скривил рот, что выражало крайнюю степень презрения, отвернулся и снова надавил лбом на ногу женщины. И тут случилось то, что могло случиться только с Юркой.

Славик и Галка услышали шорох и увидели, как нога медленно отделяется от тела женщины с веслом.

— Юрка, смывайся! — крикнул Славик, и они вместе с Галкой бросились к выходу из парка. Юрка побежал следом, поминутно оглядываясь.

Юрка все больше отставал от Галки и Славика. Славик обернулся и замедлил шаги, поджидая приятеля.

— Быстрее, быстрее! — приплясывая на месте, приговаривал он.

— Я не могу быстрее, она меня по ноге стукнула, — подхрамывая к Славiku, сообщил Юрка.

Галка остановилась и крикнула издали:

— Да чего вы удираете?! Никто за вами не гонится.

Славик и Юрка пошли шагом. Юрка все оглядывался на статую, словно боялся, что она прыгнет с пьедестала и поскочит за ним на одной ноге.

— И чего тебе надо было ее трогать? — спросил Славик. — Небось она подороже пылесоса стоит.

— Я ей еще вторую ногу отломаю! Пусть не разваливается, — со злостью сказал Юрка. — А ты думаешь, никто не узнает?

— Не бойся, никто же не видел.

— У них ищейки есть. Приведут ищейку, она по следу найдет.

— Не найдет, — успокоила их Галка. — Я в одной книжке читала: нужно сесть в трамвай и проехать несколько остановок. Тогда ищейка след потеряет. У кого на трамвай деньги есть? У меня — пять копеек.

Ребята зашарили по карманам. Славик нашел две копейки, Юрка не нашел ничего.

— Всего семь, а нужно восемнадцать, — сказал Славик. — Девять туда и девять обратно.

Галка покачала головой, удивляясь мальчишечьей глупости.

— Нужно шесть, — сказала она. — Три туда и три обратно. Мы ведь с тобой ничего не ломали. Ищейка нас искать не будет. Пускай он поедет, а мы обождем.

Они подвели Юрку к трамвайной остановке, и тот уехал заметать следы. Галка и Славик уселись на скамье и принялись думать изо всех сил. Они думали каждый за себя, и друг за друга, и за Юрку, но ничего у них не получалось. А время шло. Было пять часов. Галкин отец находился уже по дороге в аэропорт. В семь часов он сядет за штурвал своего ИЛ-18 и улетит в Иркутск, за тысячи километров, но и такое большое расстояние не спасет Галку. Теперь километры стали очень короткими. Отец вернется через два дня, и Галке придется расплачиваться за часы и за то, что она не призналась сразу.

Некоторые из ее класса завидовали тому, что у нее отец летчик. Возможно, они думали, что Галка летает на самолетах, сколько ей захочется. Но это было не так. Дети космонавтов не летают в космос, а дети сапожников не получают каждый день новые сапоги.

Время шло... Мать Славика уже вернулась из школы. Уже Юркина мать ехала домой после работы.

Время шло, и чем больше его уходило, тем меньше конечно оставалось, чтобы придумать хоть что-нибудь.

Когда Юрка слез наконец с трамвая и подошел к Галке и Славику, то он понял по их лицам, что ничего утешительного они ему не скажут.

— Я всю дорогу думал, — сказал Юрка. — Ничего не получается. А вы небось только за себя думали...

Галка взглянула на Юрку и ничего не ответила. Славик сказал:

— Ты очень долго не приезжал. Я про тебя совсем забыл. И вдруг Галка проговорила очень тихо:

— Ой, я, кажется, придумала.

— Для меня? — спросил Юрка.

— Для меня? — спросил Славик.

— Для всех.

— А что? — вместе спросили Славик и Юрка.

— Мы сделаем забастовку. Я в одной книжке читала...

Мы их совсем перестанем слушаться.

— Еще хуже будет, — безнадежным голосом сказал Славик. — И так нам все время ни за что попадает, а если мы совсем слушаться перестанем... Ты воображаешь, что с нами сделают?!

— Ничего не сделают! — уверенно сказала Галка. — Нужно только совсем-совсем не слушаться. Никого! Ни маму, ни папу. Сначала они будут сердиться, а потом испугаются. Вы сами подумайте: что они нам могут сделать? В тюрьму не посадят — мы же не преступники. Пускай нас будут ругать, а мы будем молчать и опять не слушаться. А если нас будут бить, — нужно только немного потерпеть и опять не слушаться.

— Меня не бьют, — сказал Славик. — Меня только словами...

— И меня не бьют, — сообщила Галка. — А тебя, Юра?

— Бывает, — вздохнул Юрка. — Не очень бьет, а только по затылку как даст! Мне вообще-то не больно.

— А ты ее вообще не слушайся, — посоветовала Галка. — Я тоже не буду. И Славик не будет. Давайте попробуем. Хоть одну недельку, вот увидите, как хорошо получится. Главное, чтобы они привыкли, что с нами никак не справиться. Тогда вообще можно делать, что хочешь. Почему мы всех боимся?! Что мы, хуже всех, что ли? Урок не выучить боимся, стекло разбить боимся. Если они стекло разобьют нечаянно, они же нас не боятся. Они же нас не слушаются! Почему мы их должны слушаться?!

Сначала Славик и Юрка подумали, что Галка просто с ума сошла. Конечно, они понимали, что если выполнять все родительские распоряжения и советы, то тогда вообще лучше не жить. Конечно, они понимали, что родителей можно не слушаться через раз или через два на третий. Но не подчиняться совсем!..

— Ты сегодня нормальная или нет? — спросил Славик. — Так же нельзя, потому что...

— Почему? — спросила Галка.

— Потому что нельзя.

— А почему нельзя?

— Да я не знаю... — сказал Славик. — Потому что никто так не делает.

М А М А

Чем ближе Славик подходил к дому, тем меньше в нем оставалось храбрости. Там, в садике, после Галкиных рассуждений все показалось не таким уж трудным делом. Правда, пришлось долго уговаривать Юрку. Юрке привычнее было бы убегать или прятаться от матери, но не воевать с ней в открытую. Если бы не Галка, то честного слова из Юрки так бы и не вытянули.

— Ну да, — отбивался Юрка, — а она как даст по шее.

— Люди пытки терпели, а ты один раз по шее не можешь вытерпеть!

— А если не один раз!

— Ну, пускай хоть три раза. Какая разница?

— Это тебе нет разницы. А мне разница есть, — уверял Юрка.

— Ну и потерпишь немножко. Зато потом будешь делать все, что захочется.

— А она тогда... — сказал Юрка и умолк, соображая, что же будет «тогда».

— Что тогда? — спросила Галка. — Вот ты попробуй придумать, что ты со мной сделаешь, если я твоя дочь и тебя не слушаюсь.

— Выпорю, — сказал Юрка.

— Но ведь тебя не порют?

— Нет пока.

— Тогда думай еще.

— Учительнице пожалуюсь.

— А я и учительницу не буду слушаться.

— В школу не пущу.

— А я скажу: «Вот и хорошо!»

— Тогда я... — сказал Юрка. — Я... не знаю.

— И я не знаю. И он не знает, — сказала Галка, указывая на Славика. — И никто не знает. Потому что ничего с нами сделать нельзя.

— Нет, — сказал Юрка. — Ничего не получится. Все равно она сильнее.

— А слон еще сильнее, — рассердилась Галка. — Только не человек слону подчиняется, а слон человеку. А ты просто трус! Верно, Славик?

— Да, в общем... — сказал Славик. — Немножко трус, немножко нет.

— Значит, я — трус? — спросил Юрка.

— Трус, — подтвердила Галка.

— Я?!

— Ты, ты, ты!

— Так вот, — сказал Юрка, — ты еще узнаешь, какой я трус! Я не только маму не буду слушаться. Я хоть завуча не послушаюсь! Хоть самого директора! Я еще десять пылесосов сломаю! Я... — крикнул Юрка и задумался: что бы еще ему такое сломать.

— Вот и хорошо, — мирно сказала Галка. — Теперь мы все трое договорились.

Войдя в дом, Славик услышал разговор на площадке третьего этажа. Один голос он узнал сразу — мамин. Кому принадлежали остальные голоса, догадаться было не трудно.

— Вы, пожалуйста, извините, — говорила мама. — Я его накажу. Я, конечно, понимаю, как вам неприятно...

— Главное, я и охнуть не успела, — вставил женский голос. — Посмотрела в сумку, а там прямо кисель. Еле сумку отмыла. Ах ты, думаю, негодяй!

— Он не негодяй... — пыталась возразить мама, но ей не дал договорить мужской голос.

— А вы, гражданка, за него не заступайтесь. Если каждый, понимаете, будет по стеклам швырять... Что из этого получится?

— Я еще раз прошу у вас прощения, — сказала мама.

— Прощением, понимаете, окно не застеклишь, — пробубнил мужской голос.

— Если я мало заплатила, вы скажите, пожалуйста, — проговорила мама тоном, в котором раскаяния было уже гораздо меньше.

— Не в том дело, что мало или много, а в том, гражданка, как детей надо воспитывать. Между прочим, им воспитание лучше всего через заднее место вкладывать.

— У нас с вами разные взгляды на воспитание, — нетерпеливо сказала мама.

— Оно и видно, — заметил мужчина и начал не спеша спускаться по лестнице.

Славик спрятался за дверь, ведущей в подвал. Сквозь щель он увидел пострадавших. Они прошли мимо, беседуя.

— Хорошо, девушка мне подсказала, — говорила женщина. — Отец, говорит, у него по телевизору выступает.

— У таких вот хулиганы и вырастают, — говорил мужчина.

— Культурные... — вздыхала женщина. — Хуже нет с этими культурными...

На третьем этаже щелкнул замок. Славик понял, что мама все слышала. Это значит, что за «культурных» ему тоже придется расплачиваться. Впрочем, теперь это не имело значения.

Поднявшись наверх, Славик нажал кнопку звонка и долго не отпускал ее. Звонок гремел в квартире, возвещая о том, что в дом вернулся совсем другой человек, не тот, что вышел из нее сегодня утром.

Дверь открылась сразу.

— Проходи, — сказала мама очень спокойно.

«Сейчас начинать не слушаться или подождать? — подумал Славик. — Если сейчас, то не нужно входить. Но если я не войду, то как же я не буду слушаться дальше?»

Славик вошел и остановился посреди прихожей.

— Ну, как дела? Что нового в школе? — спросила мама. По ее тону можно было подумать, что она еще ничего не знает. Но Славика маминым тоном не обманешь. Она всегда говорит ровным учительским голосом. И в своей школе со своими учениками говорит она так же спокойно, даже если на них сердится. Она считает, что криком ничего не добьешься.

— Так что же нового в школе? — повторила мама.

— Ничего, — сказал Славик.

— А что нового на улице?

— На какой улице? — спросил Славик.

— На Красноармейской, — сказала мама.

— А ты сама, что ли, не знаешь...

— Знаю. Но я предпочла бы узнать это от тебя! Я не уважаю людей, которые совершают безобразные поступки. Но еще больше я не уважаю людей, которые боятся нести ответственность за эти поступки.

— Ничего я не боюсь, — сказал Славик.

— Вот как? — мама сдвинула брови и сурово посмотрела на Славика. — Тогда где же ты пропадал целых три часа? Славик молчал.

— Ты зачем стекло разбил?

— Я не нарочно.

— Камнем ты тоже бросил не нарочно?

— Нет, не камнем! — возмутился Славик. — Они все врут! Не камнем, а гайкой!

— Я не вижу разницы.

— А я вижу, — сказал Славик. — Камень — каменный, а гайка — железная.

— Я не вижу разницы в том, чем ты разбил стекло, — как будто ничего не заметив, проговорила мама ледяным голосом. — Важно то, что ты его разбил.

— А мне не важно.

Мама внимательно оглядела Славика с головы до ног. Она словно старалась понять, ее ли сын стоит перед нею.

— Что с тобой? — спросила она. — Ты заболел?

«Ага, действует! — подумал Славик. — Уже про болезнь заговорила, уже про стекло, наверное, не будет...»

— Нет, я не заболел, — ответил Славик и впервые смело взглянул в глаза маме. — Я себя совсем хорошо чувствую.

Теперь мама смотрела на Славика уже растерянно. В том, как вел себя ее сын, было какое-то не понятное ей нарушение порядка. Этот порядок давно уже был установлен в семье Барышевых. Да и не только у Барышевых, но и в других семьях всякое преступление наказывалось, а за наказанием следовало извинение, а уж за извинением — прощение. Мало кто из родителей наказывает своих детей, радуясь. Главное для них удовольствие — это прощать. Но Славик, кажется, и не собирался просить прощения. Он стоял перед мамой, и вид у него был такой невиноватый, что мама забеспокоилась. Она взяла из рук сына портфель, положила его на стул, затем молча повела Славика в комнату и усадила на диван.

— Держи пять минут, — сказала она, подавая Славику термометр.

«Действует, действует! — холодея от радости, снова подумал Славик. — Галка — молодец. Она все придумала правильно!»

Термометр показал нормальную температуру.

— В чем дело, Слава? Ты объяснишь, может быть?

— А чего объяснять... Просто я не хочу тебя слушаться. Вот и все.

— Как ты сказал?

— Как слышала. Я тебя больше не слушаю. Никогда.

— А ну, марш на кухню! — тихо сказала мама. — Я тебе покажу, что значит не слушаться!

— Не пойду, — сказал Славик. — Сама марш, если тебе нужно.

Славик ожидал, что мама сейчас рассердится по-настоящему. Он даже немного испугался своих слов. Но про себя он твердо решил не сдаваться, не отступать, потому что отступать было уже некуда.

Мама почему-то не рассердилась. Она с каким-то испугом посмотрела на Славика и быстро вышла из комнаты. Славик слышал, как она в коридоре подошла к телефону и набрала номер. Затем донесся ее встревоженный голос. Она говорила со знакомым доктором. Доктор, наверное, упрямылся, потому что она несколько раз повторила: «Пожалуйста, срочно, очень прошу вас». Затем она вернулась в комнату и села за стол, поглядывая на сына с испугом и как будто с жалостью.

— Не нужно мне никакого доктора, — сказал Славик. — Я же просто тебя не слушаюсь. Это ведь не болезнь.

— Хорошо, хорошо, — торопливо проговорила мама. — Я все понимаю. Ты только сиди спокойно. Сейчас придет дядя Миша, ты его хорошо знаешь. Он тебя немножко посмотрит... Ничего страшного.

Вскоре в прихожей раздался звонок. Мама выбежала встречать дядю Мишу, который долго возился и топал ногами возле вешалки. Затем топот смолк, и послышался мамин шепот.

Дядя Миша вошел в комнату, потирая руки, и загудел с порога:

— Угу, угу... Так, так... Ну-ка, признавайся, Вячеслав, что с нами случилось?

— С вами? — переспросил Славик. — А я не знаю, что с вами случилось.

Дядя Миша и мама переглянулись.

— Я лучше выйду, не буду мешать, — сказала мама.

— Тогда скажи, что с тобой случилось? — спросил дядя Миша, когда они остались одни. — Впрочем, можешь не говорить. Открой рот.

— Не открою.

— Открой рот и скажи «а-а-а», — строго повторил дядя Миша.

— Бе-е-е... — сказал Славик.

Дядя Миша изумленно посмотрел на Славика и присел возле него.

— Ты что, не узнаешь меня?

— Ну да, не узнаю. Конечно узнаю, — сказал Славик.

— Тогда почему же ты меня не слушаешься?

— А я теперь никого не слушаюсь, — сообщил Славик.

— Гм-гм, — прогудел дядя Миша. — Это почему же?

— Просто надоело.

— Ну а просьбу ты мою можешь выполнить? Не приказ, а просьбу?

— Пожалуйста, — согласился Славик.

— Покажи язык.

Славик высунул язык так, что чуть не достал им до носа дяди Миши.

— Прекрасно, — сказал дядя Миша. — Теперь дай руку. Это — тоже просьба.

Дядя Миша взял Славика и замер, поглядывая на секундную стрелку своих часов.

— Так, — удовлетворенно сказал он. — Ну, а еще одну мою просьбу ты можешь выполнить?

— Какую?

— Перестань дурака валять! — закричал дядя Миша. — Прекратить эти фокусы, пока я тебе... пока я тебя...

— А чего вы мне сделаете? — с вызовом спросил Славик.

— А вот что! — грозно сказал дядя Миша. — Я тебе... гм... действительно... Что же я тебе?...

Услышав громкие голоса, в комнату вошла мама. Вид у нее был встревоженный. Она вопросительно посмотрела на дядю Мишу.

— Все в порядке, — сказал дядя Миша. — Эта болезнь легко излечима. Компресс по мере надобности. Вот сюда, — и дядя Миша указал рукой на то, что находилось у Славика пониже спины.

— Но с ним никогда такого не было! — почти шепотом проговорила мама.

— Всего когда-то не было, — сказал дядя Миша. — И нас с вами не было, и даже медицины не было. Впрочем, медицина тут ни при чем. Пусть принимает раза три в день по моему рецепту — быстро поправится. А теперь прошу прощения, меня ждут больные... — дядя Миша покосился на Славика. — Постоящие.

Проводив дядю Мишу, мама решительными шагами вошла в комнату.

— А теперь я хочу знать, что все это означает? — сказала мама. — Может быть, это у тебя какая-то новая игра? Мне не нравится эта игра. Или ты сейчас же объяснишь, в чем дело, или... — мама задумалась на секунду. — Или тебе будет хуже!

— А что будет хуже? — спросил Славик.

— Узнаешь.

— А я и хочу узнать, — сказал Славик. — Ты скажи.

— Вячеслав, это уже настоящее издевательство! Еще минуту назад я могла бы тебя простить. Но теперь можешь не ждать пощады.

— А я и не жду, — сказал Славик, глядя на маму ясными глазами. — И совсем я ни над кем не издеваюсь. Я же тебе объяснил: я просто не хочу тебя слушаться. Это еще не значит — издеваться.

— Как это понимать: не хочу слушаться? Ты понимаешь, что говоришь? Кого же ты будешь слушаться?

— А никого.

— Ну что ж, — сказала мама, — если ты хочешь воевать, — пожалуйста. Я сумею тебя заставить. В школе я справляюсь и не с такими, как ты.

— В школе ты справляешься потому, что они тебя слушаются, — объяснил Славик. — А если бы они тебя не слушали, то ты бы не справлялась.

— Довольно! — твердо сказала мама. — Мне надоело слушать чепуху. Два месяца ты не пойдешь ни в кино, ни в зоопарк. Это — за стекло. Два месяца ты не имеешь права подходить к телевизору. Это — за твое сегодняшнее поведение. Кроме того, ты пойдешь к человеку, у которого ты разбил стекло, и извинишься перед ним. Понятно?

— Если я в кино не пойду, еще не значит, что я слуша-

юсь, — сказал Славик. — Просто у меня денег нет, вот и все. А извиняться я не буду. Пускай он сам извиняется.

— Кроме того, — сказала мама таким тоном, будто и не слышала слов сына, — ты немедленно садись делать уроки.

— Не сяду.

Мама молча взяла портфель Славика, раскрыла его, достала дневник. Она прочитала, какие уроки нужно выучить на завтра, вынула из портфеля учебники, разложила их на столе вместе с тетрадями.

— Садись.

— Не сяду.

— Сядешь, — мама взяла Славика за руку, подвела к столу и усадила на стул.

— Ну и что, — сказал Славик. — Просто ты сильнее, вот и все. А учить я не буду. Буду просто сидеть.

— Не будешь учить — не пойдешь в школу.

— Пожалуйста, — сказал Славик. — Мне дома даже лучше сидеть. Ты в школу уйдешь, а я телевизор включу.

— Ты прав, — спокойно сказала мама, — ты пойдешь в школу и будешь получать двойки.

— Ну и пускай.

— Затем тебя выгонят из школы.

— Ну и пускай.

— Ты будешь слоняться по улицам и попадешь в шайку преступников. Они доведут тебя до преступления.

— Не доведут, — сообщил Славик. — Я и преступников не буду слушаться. Нам надоело, что все над нами командуют.

— Кому это нам? — с изумлением спросила мама.

— А всем ребятам.

— Ах вот как! У вас, выходит, целая организация?

— Никакой организации нет. Чего ты меня все время спрашиваешь! Я больше отвечать не буду.

— Ну что ж, — сказала мама. — Обождем папу. Посмотрим, как ты с ним будешь разговаривать. Он с тобой церемониться не станет. Он тебе покажет...

— Чего покажет?

— Узнаешь чего, — загадочно сказала мама и ушла в другую комнату.

И Славик понял, что первый бой он выиграл. Впервые в жизни он понял, что если твердо стоять на своем, то можно добиться чего угодно. Конечно, в кино он теперь попадет не скоро. Ну что ж... Мир вокруг переполнен взрослыми, и они пока что сильнее. Славик не будет делать всего, что

хочется. Но он НИКОГДА не будет делать и того, чего ему не хочется.

«А как там у Галки и Юрки? — подумал Славик. — Может быть, они трусили? Особенно — Юрка. У него мать не учительница. Она с ним церемониться не станет».

Славик вздохнул и стал рисовать очки какому-то великому ученому, смотревшему на него со страницы учебника истории.

ЕЩЕ МАМА

Мама очень любила Галку.

Поэтому Галка ее не боялась.

Папа, наверное, любил Галку меньше. Он говорил, что мама ее балует.

Мама говорила: «Когда же побаловать, если не сейчас?» — и всегда за нее заступалась.

Поэтому Галка не боялась и папу.

Вообще говоря, она не боялась никого. Если бы не часы, то она и дальше продолжала бы жить так же бесстрашно. Но за часы, наверное, влетит.

Этого Галка не могла допустить. Если влетит один раз, то может и второй. А потом родителям это понравится... Им только дай волю — будет попадать за каждую мелочь! Нет, родителей распускать нельзя. Если они тебя любят, то пускай любят себе на здоровье, но не вмешиваются в твою личную жизнь.

Все же на всякий случай Галка дождалась, пока папа уедет в аэропорт. Она знала, что с мамой справиться будет не трудно, а что выкинет папа — еще неизвестно.

В шесть часов вечера Галка открыла дверь своим ключом.

— Вот и я, — сказала она, — здравствуй, мамочка! Папа уехал?

— Уехал, — грустно сказала мама. — Он очень сердился. Я просто не знаю, что теперь делать. Зачем ты налила воды в часы? Разве ты не знаешь, как папа ими дорожит?

— Я не наливала. Она сама налилась.

— Ты говоришь неправду, — сказала мама. — Папа ушел расстроенный, а у него сегодня рейс на Хабаровск... Ты лучше честно расскажи, как все было.

— Мамочка, но ведь часы от этого не починятся...

— Часы уже ни от чего не починятся, — сказала мама. — Я носила их в мастерскую — их нигде не берут, они очень старые. Часам уже не поможешь.

— Понимаешь, мамочка, ты сама виновата, — сказала

Галка. — Если бы не звонила из театра, то ничего бы не было.

Мама подумала немного и согласилась, что она тоже виновата.

— Но что же теперь делать? — вздохнула она. — Вот послезавтра прилетит папа... Я попробую ему объяснить... А ты, пожалуйста, попроси прощения, только повежливее.

— Не бойся, мамочка, — радостно сказала Галка. — Я уже все придумала. Ты понимаешь, я решила вас больше не слушаться.

— Не понимаю. Что это значит?

— Ну, очень просто. Вот вы мне будете что-нибудь говорить, а я буду делать не так, как вы говорите, а так, как мне хочется.

— Это еще зачем? — растерянно спросила мама. — Разве мы тебя когда-нибудь учили плохому?

— Нет, мамочка, ты ничего не понимаешь, — сказала Галка — Совсем дело не в плохом и не в хорошем. А главное, что я буду жить, как сама хочу.

— Ты и так живешь как хочешь. Разве мы тебе мешаем? Галка подошла к маме и обняла ее за шею.

— Ты опять не понимаешь, мамочка. Это значит: если мне чего-нибудь не хочется делать, я и не буду—вот и все.

— Ну и не делай, — сказала мама, в свою очередь обнимая Галку. — Разве я заставляла тебя когда-нибудь делать что-нибудь плохое?

— Нет, ты опять не понимаешь. Вот, например, я не захотела идти в школу — и не пошла. . .

— Как же так — не ходить в школу?—изумленно спросила мама, выпуская дочь из объятий. — Зачем?

— Ни за чем, — пояснила Галка. — Просто потому, что мне так хочется.

— Но должен же в этом быть какой-то смысл! Или ты просто шутишь?

— Я не шучу, мамочка.

— Галочка, — сказала мама, — я ничего не понимаю.

— Мамочка, — ответила Галка, — я же тебе все объяснила. Мне надоело всех слушать, всех взрослых, что они мне говорят — как будто они умнее всех. Если бы ты уронила часы в воду, ты бы только расстроилась, и все. И ни от кого тебе бы не попало. А я вот тоже расстроилась, но мне ведь еще и попадет от папы. А я не хочу, чтобы мне попадало. Я хочу перестать его бояться. И я теперь его не боюсь. И никто мне ничего не сделает! И пускай меня хоть в тюрьму посадят!

— Господи, какая тюрьма? — простонала мама. — Ты еще чего-нибудь натворила?

— Не натворила, — успокоила Галка маму. — А если натворю, то все равно никого бояться не буду.

— Галочка, ты выведешь меня из себя!

— Мамочка, я тебя не вывожу, я не нарочно.

— Но я все-таки могу выйти из себя!

— Выходи, если тебе хочется, — сказала Галка. — Все равно ты мне теперь ничего не можешь сделать.

— Я и не собиралась ничего с тобой делать. Но теперь, кажется, сделаю.

— Что, мамочка? — спросила Галка.

— Я... — сказала мама. — Я тебе... Я тебя... Впрочем, я подожду, пока вернется папа. Тогда увидишь...

И мама ушла на кухню. Она молола мясо и чуть не смолола свой собственный палец; она разбила яйцо и вылила его в помойное ведро, а скорлупу бросила в чашку с фаршем. Она была сама не своя, потому что все время думала о дочери. И никак не придумывалось у нее никакого наказания, разве что бить, но о том, чтобы бить Галочку, не могло быть и речи.

Приготовив ужин, мама заглянула в Галкину комнату.

— А есть ты тоже не будешь?

— Конечно, буду, мамочка, — отозвалась Галка. — Я такая голодная!

Они вместе поужинали. И все было как обычно. И мама, поглядывая на Галку, не находила в ней никаких перемен: дочка ела с аппетитом и выглядела веселой. К концу ужина мама совершенно успокоилась.

— Спасибо, — сказала Галка как обычно.

— На здоровье, — как обычно ответила мама. — Ну, а теперь — за уроки.

— Мамочка, я же тебе говорила... Я теперь не буду делать, если мне не хочется.

— Но ведь раньше ты... ты всегда делала...

— Мамочка, ведь уроки делать никому не хочется. Мне и раньше не хотелось, только я слушалась. А теперь-то я ведь не слушаюсь, ты разве забыла?

— Но ты же пошла ужинать. Я тебя позвала — и ты пошла... Я думала, ты шутила.

— Ой, мамочка, — сказала Галка, — до чего же ты непонятливая. Ужинать мне как раз хотелось. Это совсем другое дело.

Мама поднялась из-за стола с растерянным видом. Она смотрела Галке в лицо, но не находила в нем ни злости, ни какого-то особенного нахальства. Девочка говорила то, что думала, и делала то, что говорила.

— Тогда... — сказала мама тихим голосом. — Тогда это просто нечестно. Я даже не сержусь на тебя. Я вижу, что ты меня совсем не любишь... Я не сержусь, я просто очень обидаюсь.

— Как это я тебя не люблю! — возмутилась Галка. — Я тебя больше всех люблю. Это совсем другое. Я сказала, что уроки не люблю, а не тебя вовсе.

— Это одно и то же, — грустно сказала мама и ушла в свою комнату расстраиваться и думать о том, что произошло с ее дочерью и как это исправить.

И ЕЩЕ ОДНА МАМА

Юрка стоял перед закрытой дверью и прислушивался к тому, что делается в квартире. Там было тихо. Это ему не нравилось. Это означало, что мама и соседка не обсуждали, как обычно, на кухне свои заботы, а сидели молча по своим комнатам. Так было всегда, когда они ссорились. А из-за чего они поссорились в этот раз — совершенно ясно. Пылесос-то был совсем новенький.

Юрка стоял, не решаясь позвонить, и думал, что сказать в свое оправдание. Он думал об этом всю дорогу, вплоть до последней ступеньки, но вот и последняя ступенька осталась позади, а в голове его по-прежнему было пусто, как в космосе.

Как жаль, что нельзя вернуть вчерашний день и прожить его заново!

Сквозь лестничное окно был виден пустой двор и ворота дома. Машинально, ни на что уже не надеясь, Юрка загадал: если войдет мужчина — все обойдется, если женщина... О том, что будет, если войдет женщина, Юрка не хотел даже думать, он ждал мужчину.

Долго ждать не пришлось. Вошли две женщины.

«Две — не считается, я загадывал на одного человека», — быстро сообразил Юрка и снова уставился в окно.

Вошла девочка.

«Дети — не в счет, я загадывал на взрослого», — вывернулся Юрка и на этот раз.

Вбежал мальчик.

«А почему дети не в счет? Мальчик ведь не женщина, значит, он мужчина», — подумал Юрка, но пока он раздумывал, вошла еще одна женщина.

«Нужно считать из трех, — решил Юрка. — Счет: один — один. Теперь важно, кто войдет третьим».

Третьей опять оказалась женщина. Только она не вошла. Она вышла из двери, перед которой стоял Юрка.

Вертя в руках ключ от почтового ящика, соседка уставилась на остолбеневшего Юрку с таким видом, будто хотела воскликнуть: «Батюшки, кто к нам пришел! Сколько лет, сколько зим!»

— Ну,ходи,ходи, — сказала соседка, сразу забыв про газеты.

Юрка прошмыгнул мимо нее в переднюю и принялся стаскивать с себя пальто.

— И штаны заодно снимай, — сказала соседка, — чего время-то зря терять, все равно придется.

Юрка со страхом взглянул на дверь своей комнаты. Оттуда не доносилось ни звука.

— Дома, — успокоила его соседка. — Дома, дома... — Она тоже взглянула на дверь и повысила голос. — Только она от стыда теперь за дверь прячется!

При последних соседкиных словах дверь распахнулась. С порога комнаты мама смотрела на Юрку и, казалось, совершенно не замечала соседки. Юрка быстро глянул в угол под вешалкой, где обычно стояла коробка с пылесосом. Там ничего не было.

— Ну... — сказала мама металлическим голосом. — Ты куда смотришь?! Ты почему туда смотришь?!

— Правильно смотрит, — сообщила соседка. — Как раз туда и смотрит, куда надо.

По-прежнему не обращая на соседку внимания, мама солдатским шагом приблизилась к Юрке и коротким подзатыльником направила его в сторону комнаты. Проходя мимо соседки, мама сказала, глядя почему-то на электросчетчик:

— Как-нибудь без посторонних разберемся...

— А мне чтобы завтра пылесос был, — сказала соседка. — Только новый, мне чиненого не надо. Чтобы был пылесос, а потом разбирайтесь, как хотите! А не хотите — могу и в суд подать.

— Хоть в десять судов! — снова сообщила мама электросчетчику и с треском захлопнула дверь комнаты.

Юрка стоял ни жив ни мертв. Все Галкины рассуждения мгновенно вылетели у него из памяти. Он даже не думал о том, слушаться ему маму или нет. Ему было не до таких мыслей. Он ждал казни и хотел, чтобы она поскорее началась и поскорее кончилась. Но Юркина мама не торопилась. Она любила делать все по порядку.

— Ты где пропадал всю ночь? — спросила мама, хотя прекрасно знала, что Юрка не «пропадал», а ночевал у бабушки.

— Я был у бабушки.

— Чего ж тебе дома не спится? У бабушки для тебя постель что, медом намазана?

Юрка промолчал, хотя мог бы возразить, что спать на постели, вымазанной медом, не такое уж удовольствие.

— Говори! — приказала мама, и Юрка получил второй подзатыльник.

— Не намазана.

— А зачем ты туда пошел, если не намазана?

Юрка промолчал. Он ждал, когда дело дойдет до главного.

— А что мать с работы пришла усталая и с ума сходит, где ее сын, тебе дела нет?

— Есть, — сказал Юрка, пытаясь хоть чем-нибудь угодить матери, но сделал только еще хуже.

— Врешь, обормот, — сказала мама. — Тебе до матери дела нет, пусть она хоть лопнет! — И третий подзатыльник заставил Юрку покачнуться, потому что, когда мама начинала жалеть себя, рука ее становилась тяжелее.

— Почему ты пошел к бабушке? Отвечай, когда спрашивают!

— Я боялся.

— Чего ты боялся?

— Боялся, что попадет.

— Ага, значит, ты знаешь, что заслужил. Мне только интересно — за что?

— Ты сама знаешь.

— Отвечай, когда спрашивают!

— За пылесос. . .

— А что ты сделал с пылесосом?

— Ты сама знаешь. . . — пробубнил Юрка, уклоняясь от четвертого подзатыльника.

— Чей это пылесос, наш?

— Не наш.

— А ты видел когда-нибудь, чтобы я брала чужие вещи?

— Не видел.

— А ты сам как думаешь, можно брать чужие вещи?

— Нельзя.

— А почему ты взял?

Юрка вздохнул. Что толку отвечать на эти вопросы? Отвечай, не отвечай, всё равно ничего хорошего не получится. Разве можно объяснить, как интересно засасывать мух пылесосом? Ведь муха страшно хитрая. И глаза у нее устроены так, что могут смотреть во все стороны одновременно. Муха видит конечно, как подбирается к ней блестящий наконечник шланга, но воображает, что еще успеет удрать. Она потирает лапки и, быть может, смеется неслышным мушиным смехом. И как раз в этот момент ее начинает засасывать. Она пытается взлететь, но уже не может. Мощный поток воздуха уволкивает ее в гудящее брюхо пылесоса, и только тогда она понимает, что смешного-то было мало.

Но разве можно объяснить все это матери?

— Я тебя спрашиваю: для чего ты брал пылесос?

— Я хотел в комнате убрать. Очень грязно было, — сказал Юрка, стараясь снять с себя хотя бы часть вины.

Но когда имеешь дело с родителями, ничего нельзя угадать заранее. Хочешь сделать лучше — получается хуже.

— Значит, вот как! — возмутилась мама. — Он еще недоволен! Он, видите ли, в грязи живет, обормот несчастный. Мать его, видите ли, в грязи заставляет жить. Мать у него не-

ряха! Мать по семь часов в парикмахерской у кресла выстаивает, потом как дура по магазинам бегают, и за это еще ее не-ряхой зовут!

Юрка понял, что совершил ошибку. Он хотел исправиться и сказал:

— Не было грязно. Было чисто. Я хотел еще чище сделать.

Но он ничего не исправил. Мысли мамы уже приняли новое направление. Она взяла Юрку за шиворот и придавила его книзу, будто хотела ткнуть носом в пол.

— Здесь тебе грязно? Смотри! Здесь тебе грязно, я спрашиваю?

— Не-е-ет...

Мама подтолкнула Юрку к буфету, поцеловала палец, провела им по дверце, поднесла палец к самому Юркиному носу.

— Может быть, тебе здесь грязно?

— Не здесь.

— А где?

— Нигде.

— Тогда зачем ты пылесос брал?

— Не знаю, — сказал Юрка, покорно принимая пятый подзатыльник.

— А сколько пылесос стоит, ты знаешь?

— Я не нарочно, — сказал Юрка. — Честное слово.

— Ты знаешь, что он сорок рублей стоит?

Юрка больше не хотел ошибаться и потому промолчал. Но мама уже направилась по новой дороге, и заставить ее свернуть было невозможно.

— Повтори: сорок рублей!

— Сорок рублей... — послушно отозвался Юрка.

— А ты знаешь, что мне за эти деньги полмесяца работать?

— Знаю.

— Так о чем же ты думал, идол? — устало спросила мать и села на диван, сложив на коленях руки. — Ты скажи, где я возьму денег, если мне их завтра отдавать нужно? Да еще я с ней поругалась, теперь она у меня эти деньги из души вынет. Пойди попроси у нее прощения. Может, она обождет месяца два. За два месяца я соберу.

— Я сейчас! — обрадовался Юрка и бросился к двери, понимая, что дело подходит к концу.

Но, как всегда, Юрке не повезло. Кто бы мог подумать, что за дверью поджидает его очередное несчастье? Он с размаху толкнул дверь, но она приоткрылась совсем чуть-чуть, наткнувшись на что-то твердое.

Юрка снова толкнул, и на этот раз дверь открылась

полностью. Он выглянул в коридор и увидел соседку, которая стояла, приложив ладони ко лбу, и тихо стонала.

— Извините, пожалуйста, — пролепетал Юрка.

Соседка качнулась несколько раз и прислонилась спиной к стене.

— Убил. . . — сказала она чистым и ясным голосом. — Совсем убил меня, фараон. Уйди с моих глаз, нет тебе прощения.

— Я за пылесос извиняюсь, — пояснил Юрка.

— Паразит! Фараон!

На затылке своем Юрка ощутил теплое дыхание мамы. Он не видел ее, но чувствовал, что она стоит сзади, что она не собирается больше его ругать, и от этого всего к Юрке прихлынула внезапная смелость.

— Сами вы фараон! — заорал он. — Не подслушивайте, тогда и головой не будете стучаться!

Соседка, изумившись небывалой Юркиной храбрости, отняла от лица руки.

— Это что же, — тихо спросила она, глядя поверх Юркиной головы, — детей на меня натравливать?

Мама выступила вперед и прикрыла собой Юрку.

— А вы ребенка не трожьте, если сами виноваты, — сказала она. — Нечего свой нос в щелку совать.

— А чужие вещи можно ломать?!

— Не беспокойтесь, вам за них заплатят!

— А я говорю: чужие вещи можно ломать?!

— А я говорю: вам заплатят!

Вот тут бы Юрке и смыться потихоньку в комнату, переждать этот шум, и все уладилось бы само собой. Но Юрка тут же вообразил, что они с мамой заодно и что в эту минуту мама никак не может обойтись без его помощи. Он хотел заступиться за маму! Он бросился вперед и крикнул:

— А вы мою маму не троньте! Уходите лучше в свою комнату!

Юрка оглянулся на маму, ожидая, что она бросится в атаку вместе с ним. Но ведь сказано: никогда нельзя знать наперед, как поступят родители. Мама не бросилась в атаку. Вместо этого она взяла Юрку за шиворот и, награждая его подзатыльниками, стала вталкивать в комнату, приговаривая:

— А ты не лезь, когда взрослые разговаривают! Не вмешивайся! Не суйся не в свое дело!

Дверь за Юркой захлопнулась. Мама осталась в коридоре. Юрка слышал голоса ее и соседки, которые то звучали порознь, то соединялись, и тогда нельзя было разобрать слов, а доносилось только бормотанье и взвизгивание, словно от испортившегося водопровода. Затем шум начал стихать, превра-

тился в тихое жужжание, потом — в шелест, и наконец стало совсем тихо.

Юрка выглянул в коридор. Там никого не было. Юрка по стенке прокрался к углу, заглянул в кухню. Соседка сидела за столом, прижимая ко лбу мокрую тряпку. Мама сидела напротив, сочувственно смотрела на соседку и кивала головой в такт ее словам. Речь шла о нем.

— Ладно уж, я чиненый возьму,— говорила соседка,— а вам я скажу: главное, что у вас к нему строгости мало. Покричать мы все умеем. А настоящая строгость требует, чтобы постоянно...

— Как же я могу постоянно,— вздыхая, сказала мама.— Если я вечером работаю, он же один целый день. Да по правде сказать, он других и не хуже. Вот только с пылесосом конечно нехорошо получилось...

— Сегодня—пылесос, завтра дома из ружья начнет стрелять...

— Да у нас ведь ружья нет.

— Найдет,— уверенно сказала соседка.— Они, если надо, что хочешь найдут. Мы лучше давайте вот что сделаем... Уж я для вас как соседка... Буду за ним присматривать, пока он один остается. А вы ему накажите, чтобы он меня, значит, слушался. Так оно для всех лучше будет.

Мама задумалась.

«Не соглашайся! — взмолился про себя Юрка.— Ну, не соглашайся же! Я уж лучше на «отлично» буду учиться! Ведь она мне жизни не даст!»

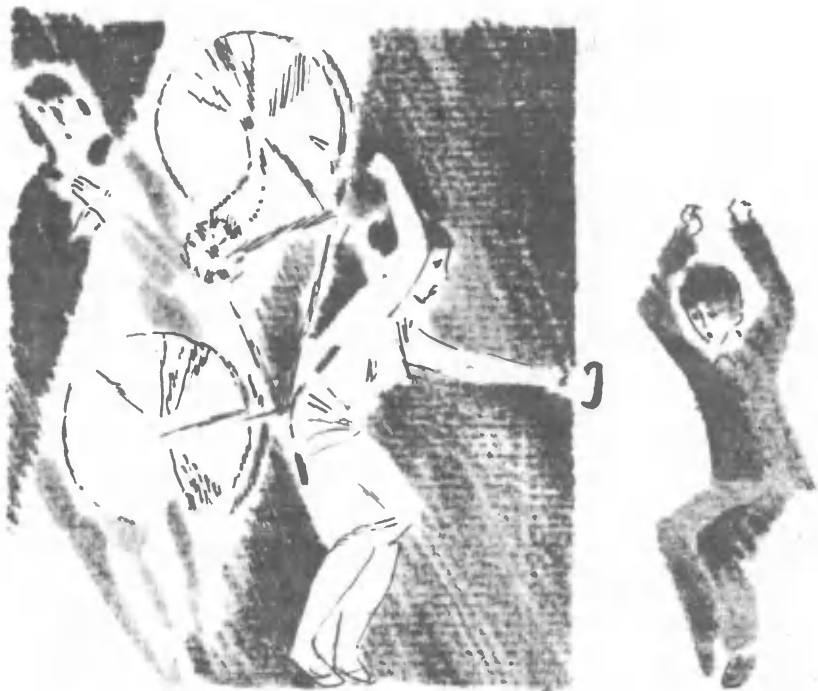
— Ну, что ж... — сказала мама.— Если вам не затруднительно...

Юрка понял, что немедленно, сию же секунду он должен что-то сделать. Еще мгновение — и они договорятся, и тогда не будет ему покоя ни днем, ни ночью. Он огляделся и увидел велосипед, с незапамятных времен висевший на стенке на двух гвоздях. Велосипед был старый и ломаный. Говорили, что он остался от прежних жильцов, но снять его почему-то никто не решался, и соседка аккуратно перевешивала его при каждом ремонте.

Юрка ухватился за колесо, рванул его на себя и бросился в комнату. За спиной у него раздался скрежет, потом что-то грохнуло и зазвенело, будто на пол уронили стопку тарелок. Одновременно послышались крики и торопливые шаги.

Юрка запер дверь на ключ и застыл возле нее, соображая, откуда мог взяться этот стеклянный звон.

А звону-то было откуда взяться. Юркино проклятое счастье и на этот раз сделало свое дело. Велосипед, вместо того

чтобы свалиться на пол, сорвался с одного гвоздя и закачался на втором, словно маятник. На первом же качке он сбил зеркало, висевшее поблизости на стене.

— Господи! — услышал Юрка соседкин крик. — Что я говорила!

Вслед за тем задергалась дверная ручка и голос соседки заполнил Юркины уши:

— Ты зачем зеркало разбил, фараон?! Открой сейчас же! «Какое зеркало? — с испугом подумал Юрка. — При чем тут зеркало?» Но тут же он вспомнил, что зеркало висело рядом с велосипедом, понял, что случилось, и понял также, что терять ему уже нечего.

— Я еще из ружья стрелять буду! — заорал Юрка. — Открывайте сами, если вам нужно!

— Открой! Не откроешь — хуже будет! — слышался голос матери.

— Хуже не будет! — снова заорал Юрка. — Пускай хуже будет!

И, как бы в подтверждение Юркиных слов, в коридоре снова послышался грохот и испуганные крики соседки и мамы. Это велосипед, которому надоело качаться на одном гвозде, упал на пол.

ДВА МАЛЬЧИКА И ДЕВОЧКА

На другой день Славик пришел в школу рано.

Встал он, как всегда, в восемь часов. Мама уже ушла на работу. На кухонном столе стоял завтрак, а к стакану с молоком была прислонена записка: «Слава, папа хотел поговорить с тобой утром. Разбуди его, когда встанешь».

«Как бы не так!» — подумал Славик, сообразив, что отец вчера вернулся домой поздно и времени на воспитание сына у него уже не хватило.

По привычке Славик взялся было за кран, но вода полилась с таким плеском, что кран тут же пришлось закрыть, чтобы не проснулся папа. Уж лучше ходить немытым, чем с утра выслушивать всякие неприятные слова. Конечно, не сегодня, так завтра разговаривать с отцом придется. И все же такие дела лучше откладывать на потом.

Славик выпил стакан молока, сунул в портфель кусок булки с колбасой и на цыпочках пошел к двери. Он старался идти тихо, но чем больше старался, тем сильнее скрипел под ногами пол.

Славик уже добрался до двери и взялся за ручку, когда из отцовской комнаты послышался сонный, совсем не дикторский голос:

— Ты уже встал? Ну-ка, загляни на минутку.

— Я еще не встал, — крикнул Славик и выскочил на лестницу.

Славик неся вниз со стремительностью кошки, убегающей от волкодава. Он уже грохотал каблуками на последнем пролете, когда на их этаже у перил возникла фигура отца в трусах и майке.

— Вернись, хуже будет! — пригрозил отец.

Но Славик уже не слышал его. Он даже не увидел, как на площадку вышла соседка и отец в ту же секунду съежился и скользнул в дверь, будто втянутый сквозняком.

Вот почему, когда Славик подошел к школе, там еще никого не было.

Славик походил немного возле подъезда. Скоро стали появляться первые ученики — те, что жили подальше от школы.

Боясь опоздать, они выходили с запасом и потому приходили раньше всех. Затем приходили те, кто жил посередке. А самыми последними, с куском булки во рту, мчались через дорогу те, кто жил прямо напротив школы.

Славик ходил возле школы туда и обратно, поглядывая в обе стороны улицы, но ни Галки, ни Юрки все еще не было.

«Струсили, — решил Славик. — Они еще вчера струсили. Это только я один такой храбрый, как дурачок».

До звонка оставалось минуты две. Пришло время «булочников». Они посыпались из дома напротив, дожевывая на ходу свои завтраки. Одного из них Славик увидел, едва тот выскочил из парадной. Это был Генка Стрельцов из их класса. Перебегая дорогу, он успел натянуть пальто только до половины, но тут же принялся это пальто стаскивать, ибо уже нацелился головой в школьную дверь, как стрелок в яблочко. Из рта у него торчал кусок булки.

— Ахы хохо хахых, — крикнул Генка, пробегая мимо.

«А ты чего стоишь?» — так прозвучали бы эти слова, имей Генка время прожевать или хотя бы выплюнуть то, что было у него во рту.

Славик хотел спросить, не заходил ли Генка вчера к Юрке Карасику, но того уже не было. Лишь маленький смерчик пыли крутился на месте, где только что Генка промчался.

Прозвенел звонок, и Славик понял, что его предали. Но только он так подумал и уже взялся за ручку двери, как услышал Галкин голос:

— Славик, стой, подожди!

По тротуару, огибая угол школьной ограды, бежали Галка и Юрка.

— Скорей! — крикнул Славик. — Скорей, уже звонок был! Галка и Юрка подбежали и остановились, отдуваясь.

— Скорей! — повторил Славик. — И так уже опоздали.

— А мы не потому бежали, чтобы успеть. Мы потому бежали, чтобы ты не ходил, — сказала Галка. — Мы нарочно хотели опоздать.

— Это почему еще — нарочно?

— А так, — сказала Галка. — Теперь уже все равно. Теперь нам какая разница? Захотели — и опоздали.

— Значит, вы — на самом деле, как вчера договорились? — спросил Славик, поглядывая на уныло переминавшегося с ноги на ногу Юрку.

— А ты как думаешь! — Галка повернулась к Юрке. — Верно, Карасик?

Юрка промычал что-то. Он вроде не протестовал, но как будто и не соглашался.

— А я думал, вы струсили. — И Славик почувствовал, как прибавляется у него храбрости, потому что теперь он был уже не один.

— Мы тебе все расскажем, только давай отойдем отсюда, — предложила Галка.

— Ты же теперь никого не боишься, — сказал Славик. — Почему надо отходить.

— Я-то не боюсь. Зато он боится, — кивнула Галка на Юрку.

— Хорошо вам не бояться, — пробубнил Юрка, когда они отошли за угол. — А мне знаете как попало...

— Вот и хорошо, — сказал Славик.

— Тебе, может, и хорошо...

— Конечно, хорошо. Когда человека бьют, он закаляется. А потом ему уже ничего не страшно.

— Вот ты и закаляйся, — посоветовал Юрка. — А я уже закаленный.

— Здорово попало? — спросил Славик.

— А думаешь, нет? Это только рассуждать легко, а ты попробуй пылесос сломать, да еще зеркало разбить.

— Ты и зеркало разбил? — засмеялся Славик. — Ну ты даешь!

Смех этот не понравился Юрке.

— Ничего тут смешного нет. Зеркало я не нарочно разбил. Я его нечаянно зацепил. Я даже от испуга в комнате заперся. А вот потом...

— А что потом? — спросил Славик. И уже заранее лицо его расплылось в улыбке, ибо все, что происходило с Юркой, было смешно для всех, кроме самого Юрки.

— А потом, — сказал Юрка, — она стала дверь дергать. Так сильно дергает — я думал, замок сломается. И все время кричит: «Открой!» Я бы даже сам открыл, только боялся, что еще хуже будет. Если она меня до этого по затылку настукала, то тогда вообще бы не знаю, что сделала. Я стою около двери и не знаю, что делать. А она еще сильнее дергает. А около двери был шнур какой-то, прямо на стуле лежал. Я взял и шнуром ручку двери прикрутил. Со страху даже не сообразил, какой это шнур...

Юрка замолчал и опустил голову. Он переживал все заново и, может быть, ожидал, что ему посоветуют. Но Славик хихикнул, понимая, что сейчас начнется самое главное.

— А дальше?

— А дальше они вдвоем с соседкой как дернут! Замок сломался... Дверь как дернется! И шнур как дернется!..

— А от чего шнур был? — нетерпеливо спросил Славик, видя, что Юрка собирается замолчать.

— От приемника, от чего же еще... — сказал Юрка.

— Разбился?

— Приемник? Нет, он даже не упал, только с места съехал.

— Чего же ты тогда панику поднимаешь? — разочарованно сказал Славик.

— А приемник этажерку толкнул.

— Значит, этажерка упала?

— Ну, да.

— Ну вот, — с удовлетворением сказал Славик. — Так бы и говорил.

— А этажерке ничего не сделалось, она деревянная.

— Тогда чего ты нам голову морочишь!

— Потому что на этажерке часы стояли, — сказал Юрка.

— Так, значит, часы разбились?

— Ну да, они на диван упали, — сказал Юрка. — Ничего им не сделалось.

— Ну вот, так и знал, — разочарованно сказал Славик. — Всегда ты что-то напутаешь.

— А тебе нужно, чтобы они разбились? — с обидой спросил Юрка.

— Ничего мне не нужно, — Славик снова хихикнул, представив разгром в Юркиной комнате, — зачем мне это нужно? Ты дальше говори.

— А дальше она за мной стала бегать по комнате, а я от нее всякими вещами загораживался, чтобы она меня не поймала. Вот тут я приемник и свалил...

— Разбился?!

— А ты как думал, — сказал Юрка. — Он ведь не железный.

— Чего же ты тогда говорил, будто приемник целый?

— Сначала он и был целый, это уж потом стал не целый.

— Ага, — со вздохом облегчения сказал Славик, — значит, приемник все-таки разбился. Ну, так я и знал. Всегда с тобой что-нибудь случается. Удивительно, что еще часы целы остались.

Юрка вздохнул.

— Нет, не остались, — сказал он. — Приемник сначала на них упал, а потом на пол.

— Вот это да! — с восхищением сказал Славик. — Ну ты даешь! А она здорово сердилась?

— Не знаю. Я опять к бабушке убежал. Мне теперь домой лучше не ходить.

Галка, которая слушала Юркин рассказ уже дважды, решила, что теперь самое время его утешить.

— Наоборот, — сказала она. — Как раз все наоборот, иди и никого не бойся. Тебе теперь бояться нечего — хуже не будет. Если бы я столько наломала, я бы вообще ничего не боялась.

— Вот ты и наломай, — посоветовал Юрка. — А мне хватит. И так из-за тебя на урок опоздали. Теперь еще от Майи Владимировны попадет.

— А то, что мы уговорились, тебе неважно? Это знаешь, как называется? Предательство!

— Еще я и предатель?! — возмутился Юрка. — Пылесос кто сломал? Я?

— Пылесос не в счет, ты его до уговора сломал.

— А зеркало? А приемник? А часы?

— Мы же не ломать уговаривались, а просто никому не подчиняться. Я свое обещание выполнила: я вчера весь вечер маму не слушалась. А ты, Славик?

— У меня — порядок, — с гордостью сказал Славик. — Уроки не выучены, сегодня за мной папа в трусах по лестнице бегал... Я слово держу.

— А я, что ли, не держу?! — заорал Юрка. — Вам еще мало, вам еще что-нибудь сломать?!

— Пока держишь, — сказала Галка. — Но тут главное — до самого конца не трусить. Вот мы сейчас на пол-урока опоздали... Давайте пойдем в класс и докажем, что мы никого не боимся!

— У меня портфель дома остался, — упрямылся Юрка.

— Вот и хорошо, — сказала Галка. — Значит, ты ходишь с портфелем, только если хочешь.

— А я сегодня как раз с портфелем хотел, — сопротивлялся Юрка, но Галка и Славик стали его уговаривать, и в уговорах этих так часто произносились слова «смелость», «предательство», «честь» и «трусость», что Юрка только горестно сплюнул и поплелся вслед за ребятами к дверям школы.

Возле класса они немного поспорили: кому входить первым. Славик и Галка подталкивали к дверям Юрку, а тот упирался изо всех сил. В конце концов Майя Владимировна услышала их возню и открыла дверь.

— Вот так новости! — сказала она. — Являются к половине урока, да еще втроем. Вы почему опоздали?

Учительница спрашивала всех троих, но смотрела почему-то на Юрку. Юрка ковырял носом ботинка пол и проклинал себя за то, что поддался Галкиным уговорам. А в классе уже хихикали и тоже смотрели на Юрку, словно он был в чем-то

измазан или вообще стоял голый. В этом не было ничего необычного. В классе умели порадоваться происшествиям. А происшествия с Юркой доставляли всем особенное удовольствие.

— Не бойся, Карась, — донесся шепот из класса.

Как раз в эту секунду Юрка думал, что ответить. Услышав шепот, он машинально ухватился за эти слова, как за подсказку.

— Я не боюсь, — тихо сказал Юрка.

— Чего ты не боишься? — спросила Майя Владимировна, которая не слышала шепота.

— Я...ничего... — ответил Юрка, и в ту же секунду до него дошел смысл сказанного. Он попытался исправить положение и торопливо проговорил: — Нет, я не так... я как раз боюсь... Я хотел...

Но было уже поздно. В классе хохотали на разные голоса и острьяки, пользуясь случаем, выкрикивали свои остроумные шутки:

— Храбрый карась!

— Бесстрашный карась!

— Пузатый карась!

— Карась упал в грязь!

Майя Владимировна обернулась, и острьяки замолчали, но веселье так и плясало у них на лицах; они знали свои права — улыбаться-то еще никому не запрещается.

— Проходите и садитесь, — сказала Майя Владимировна. — Мы еще с вами поговорим.

Почему-то Майя Владимировна не пошла к столу, а направилась в дальний угол класса и села на заднюю парту. И только сейчас ребята заметили, что у стола стоит какой-то парень и смотрит на них.

— Так... — сказал парень. — Значит, так... Садитесь, пожалуйста.

Опоздавшие уселись на свои места и уставились на парня как на чудо.

— Практикант... студент... — зашипели им со всех сторон, торопясь поделиться новостью. Шепот был такой громкий, что не услышать его мог только глухой. Практикант, конечно, услышал. Он сделался еще серьезнее. Видно было, что это маленькое происшествие помешало ему, может быть, сбilo его с мысли, и сейчас он изо всех сил думал и никак не мог придумать каких-то нужных и умных слов.

— Значит, так... — сказал практикант, надел очки и заглянул зачем-то в классный журнал. — Вот видите — вы опоздали на урок...

Не видеть этого мог только слепой. По классу легким ветерком прокатился шепот.

— Тихо! — сказала Майя Владимировна с задней парты.

— Да, да, тихо, пожалуйста, — послушно повторил практикант и снял очки.

Класс хихикал — беззвучно, сдерживая дыхание, только животы мелко дрожали. А практикант все никак не мог собрать своих мыслей. И чем больше он напрягался, тем дальше разлетались от него эти мысли.

— Вот вы опоздали... — повторил практикант. — А опаздывать нехорошо.

Это было бесспорно, как дважды два — четыре. Придаться было не к чему. Но животы учеников почему-то продолжали трястись, и Майя Владимировна решила прийти на помощь.

— Вячеслав Андреевич, — сказала она, — у меня к вам большая просьба. За последние дни я им дала много нового материала и довольно мало спрашивала. Если вы не возражаете, опросите несколько человек по последнему заданию.

— Да, да, конечно! — обрадовался практикант. — Именно это я и хотел сделать.

Практикант устался в журнал, но, видно, мысли его все еще не могли свернуть с наезженной колеи, и он, как слепой, продолжал двигаться в сторону пропасти.

— А вот кто-нибудь из опоздавших, — сказал он. — Как их фамилии?

— Карасик, Сафонова, Барышев, — подсказала Майя Владимировна.

— Карасик.

Класс радостно взвыл. Майя Владимировна заерзала на своей парте, но ничего не сказала.

— А почему вы смеетесь? — простодушно спросил практикант. — Вы находите что-нибудь смешное в этой фамилии?

— Ага, очень, конечно, — с готовностью подхватил класс, хотя дело было не в фамилии, а просто смеяться над Юркой было легко и приятно.

— А вы знаете, нехорошо смеяться над фамилией человека, — заявил практикант голосом, исполненным любви к людям. — Мало ли какие бывают фамилии, происходящие от названий различных животных. Я, например, знаю человека по фамилии Щукин, но мне это совершенно не смешно.

Бедный, доверчивый практикант. Он проводил первый в своей жизни урок. Он был как наездник, который учился езде по книгам и вдруг сел на горячего скакуна. Он знал, что нельзя чересчур натягивать повод и нельзя отпускать его,

но не умел еще этого делать. Если бы он мог услышать, о чем думает сейчас Майя Владимировна, то услышал бы стон или даже вопль: «Остановись! Не отвлекайся! Начинай спрашивать!» Но Майя Владимировна молчала, а практикант был человеком искренним, но неумелым. Когда-нибудь он научится и станет хорошим учителем... Но пока он не научился.

— Да, совершенно не смешно, — повторил практикант.

— А бывает еще Окунев, — подсказал кто-то невинным тоном.

— Бывает, — согласился практикант. — Видите — ведь не смешно?

Никто и не смеялся. Все отнеслись к делу совершенно серьезно.

— Сомов, — снова слышалось из класса.

— Да, да, — сказал практикант.

— Плотвин.

— Да, — сказал практикант.

— Лещев.

— Пескарев.

А время шло. Драгоценное время урока проходило в приятной беседе, и никто никого не спрашивал по последнему заданию. Кончились рыбы — начались звери.

— Львов.

— Медведев.

— Мышкин.

— Кошкин.

— Козлов.

— Ослов.

Из-за Ослова немного поспорили, но все же согласились, что такая фамилия может быть. Затем перешли к птицам.

— Журавлев.

— Соколов.

— Птицын.

— Синицын.

— Воробьев.

Практикант начал понемногу понимать, в чем дело. Он уже не кивал и не поддакивал, а только разводил в стороны руками, как неумелый пловец. Но распоясавшийся класс продолжал свое путешествие по зоопарку.

— Жеребцов.

— Коровин.

— Козин.
— Оленев.
— Лосев.

— Хватит! — не выдержала, наконец, Майя Владимировна.

Наступила тишина. Все были согласны, что, пожалуй, хватит. Десять минут урока вылетели в трубу, как дым. Это не так уж и плохо.

Практикант перевел дух и обратился к Юрке, по-прежнему стоявшему за своей партией.

— Иди к доске, Карасик, что же ты стоишь?

— Я не выучил.

— Почему?

Юрка молчал. Не хватало объяснять, почему он не выучил.

— Может быть, ты болел?

Юрка молча наклонил голову, показывая: может быть, да, а может, и нет.

— Ну хорошо, садись, — сказал практикант, который никому не хотел причинять зла в день своего первого урока. — Тогда — Сафонова.

Галка встала и набрала в грудь воздуха. Она еще раздумывала, говорить правду или нет, но практикант сам понесся ей навстречу:

— Ты тоже не выучила?

— Тоже.

— Почему?

Галка помедлила секунду, и этого было достаточно, чтобы бедный практикант успел вырыть на своем пути еще одну яму.

— Говори смело, — посоветовал он. — Всегда лучше сказать правду, какой бы неприятной она не была.

— Не хотела учить, — бодро сказала Галка.

Волна удивленного шепота прокатилась по классу. Все знали, что Галка не из робких, но такого от нее никто

не ожидал. Кому нужна эта правда? Правда — она единственная. А соврать можно сто раз и все по-разному.

— То есть, как не хотела? — не понял практикант. — Ты хочешь сказать, не успела или не справилась?

— Да нет, — сказала Галка. — У меня время было. Я просто не хотела.

Практикант снова схватился за свои очки. Протирая их, он растерянно поглядывал на Майю Владимировну, которая тоже была удивлена, но почему-то не вмешивалась.

— Как же можно не хотеть учиться?! — изумился практикант. — Мы все учимся. Всю жизнь.

— А я не хочу, — сказала Галка. — А захочу, тогда и буду.

— Но когда ты захочешь, может быть, будет уже поздно, — жалобно сказал практикант.

— Учиться никогда не поздно, — ответила Галка и села без разрешения.

В классе стояла совершенная тишина. Никто не шевелился, не смеялся, не сопел, не кашлял. Кое-кто даже не дышал. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы в следующую секунду не грянул звонок. Практикант надел очки, глубоко вздохнул и в ту же секунду исчез, словно растаял.

— Все выходят на перемену. Карасик, Сафонова и Барышев остаются, — сказала Майя Владимировна.

Без обычной толкотни и шума ребята вышли из класса. Все были так растеряны, что один мальчик даже уступил дорогу одной девочке.

— Ну, а теперь объясните, что это значит? — спросила учительница.

— Только вы не сердитесь, Майя Владимировна, — сказала Галка. — Это вовсе не хулиганство. Просто мы так решили.

— Что вы решили?

— Не выполнять никаких приказаний.

— Кто это — мы? Ты тоже, Барышев? Ты тоже не выучил?

— Ага, — откровенно сказал Славик.

— И ты, Карасик?

— Я? — спросил Юрка. — Я... Почему я?.. Я — ничего... — Юрка виновато переступил с ноги на ногу и тут же получил незаметный щипок от Галки и легкий пинок от Славика.

Но Майя Владимировна все же заметила раскол в рядах противника.

— А мне кажется, что Карасик не принимал таких странных решений. Ведь так, Карасик?

Юрка обдумывал ответ, и словно две чаши весов колебались перед ним. На одной чаше лежал уговор и значит — верность, на другой лежала измена и значит — спокойная

жизнь. Неизвестно, какой бес тянул Юрку Карасика за язык, но он сказал совсем не то, что хотел.

— Принимал, — виновато сказал Юрка.

— Ну что ж, — как будто с облегчением сказала Майя Владимировна, — придется вызывать ваших родителей.

— А родители уже знают, — сообщила Галка. — Мы их тоже не слушаемся.

В глазах Майи Владимировны появилось нечто вроде любопытства.

— Никого? Ни маму, ни папу?

— Пока только маму, — сказала Галка. — Папа еще не знает.

— Это у вас как — на время или на всю жизнь?

— На всю жизнь.

— А у тебя, Барышев?

— Ладно, — согласился Славик, видя, что учительница как будто и не сердится, — у меня тоже на всю жизнь.

— Ну, а у тебя, Карасик?

«Нужно мне это очень — на всю жизнь», — подумал Юрка, но тут же получил незаметный щипок от Славика и легкий пинок от Галки.

— На всю жизнь, — уныло сказал Юрка.

— Ну и прекрасно, — сказала Майя Владимировна. — Теперь я хоть знаю, с кем имею дело. Только вы смотрите: если уж решили, то не отступайте. Терпеть не могу людей, которые каждый день меняют свои решения.

Ребята молча удивились. Странно было слушать от учительницы такие слова. Если бы она рассердилась, стала грозить или влепила бы им в дневники по двойке за поведение, все было бы понятно. А тут как раз ничего понятного не было. Скорее всего Майя Владимировна придумала что-нибудь злобное и просто пока не хотела об этом говорить, чтобы они ничего не знали заранее.

— А теперь вот что, — сказала Майя Владимировна совсем другим голосом. — Вы можете ходить на руках, сидеть на голове и думать ногами, если вам так хочется. Правда, у меня еще не было таких учеников, но жизнь идет вперед и всегда появляется что-то новое. Так вот, когда вы сидите на голове и думаете ногами, от этого нет вреда никому, кроме вас самих. Но когда ваше поведение причиняет вред другим, мне это не может нравиться. Сегодня вы сорвали урок. Вы помешали еще одному человеку — Вячеславу Андреевичу. Он студент. У него сегодня был зачетный урок. Из-за вас он не получит зачета. Из института его, конечно, не отчислят, но стипендии он лишится на шесть месяцев.

— А вы скажите, что это мы виноваты, — предложил Славик.

— Кому сказать?

— Там, в институте.

— Это не поможет.

— Мы же не знали.

— От этого ему легче не станет.

— Тогда мы соберем деньги, — заявила Галка.

— Где же вы их соберете?

— Я попрошу у мамы, Барышев тоже попросит. Ну и Карасик тоже попросит, — сказала Галка с сомнением.

— Ну что ж, попросите, попросите... — произнесла Майя Владимировна как-то загадочно. Она встала и уже своим обычным тоном спросила: — На следующий урок остаетесь или нет? Вы ведь теперь свободные люди...

— Посмотрим, — пробормотал Славик.

— Ну, смотрите, — согласилась Майя Владимировна и вышла из класса.

Ребята переглянулись. Поведение учительницы им не понравилось. Не было ни крика, ни шума. Их не уговаривали и не грозили, даже посоветовали не отступать, будто они придумали что-то очень нужное и полезное. Может быть, Майя Владимировна пошла прямо к директору? Но тогда бы она так и сказала. Да и не ходила она к директору, всегда сама справлялась.

— Чего это она, не поняла, что ли? — спросил Славик. — Она нам что, на уроки не ходить разрешает?

— А вот подожди еще... Вот увидишь... — туманно сказал Юрка и набросился на Галку. — А ты за меня не говори! Деньги еще она попросит! Проси сама, а я ничего просить не буду. Я и так, может, на тысячу наломал.

Но Галка и сама уже поняла, что сказала глупость. Как и положено в таких случаях, рассердилась она не на себя.

— Молчи уж! — сказала она. — Никто тебя ломать не заставляет. Карась невезучий!

Юрка открыл рот и стал действительно похож на карася, которого вытащили на воздух. Юрка был возмущен. Многое он хотел сказать в эту минуту. Многое, о чем успел он задуматься за свою короткую жизнь. Почему охотно бьют слабых? Почему с удовольствием смеются над чужими несчастьями? Не от этого ли родилась горькая профессия клоуна, который на всю жизнь обречен получать подзатыльники и пинки на радость уважаемой публике?

Юрка хотел высказать все эти мысли; но мыслей было

значительно больше, чем слов; слов было настолько мало, что Юрка произнес только одно, самое главное:

— Дура! — и тут же добавил: — А я с вами больше не знаюсь.

Галка тоже открыла рот, и, наверное, Юрка услышал бы что-нибудь не менее остроумное, но дверь распахнулась и в класс ворвались ребята. Они окружили Славика, Галку и Юрку. Они разглядывали их с удивлением и любопытством, как новеньких. Они хихикали и подталкивали друг друга, но никто не говорил ничего, словно ребята хотели сначала убедиться, что это те самые Славик, Галка и Юрка, которые затеяли такое необычное и увлекательное приключение.

— Чего вам теперь будет? — спросил наконец Сергей Кабанов, который был из породы двоечников и поэтому больше всех интересовался наказаниями.

— Ничего не будет, — ответила Галка.

— Кончай заливать, — возразил Кабанов. — Она, наверное, к директору побежала.

— А ты кончай хрюкать, Кабан, — отозвался Славик. — Никуда она не побежала.

— За Кабана — в ухо, — предупредил Кабанов, но его тут же оттеснили, потому что всем было интересно узнать, что произошло дальше.

Славик и Галка, поглядывая на насупившегося Юрку, все рассказали. Наступила тишина. Все думали. Все думали, что сказать по поводу такого неслыханного события.

— Вы что, чокнулись? — сказал, наконец, Генка Стрельцов. — Да вы знаете, что вам за это сделают?

— Ну чего?

— Да из школы выгонят!

— А мы этого не боимся, — сказала Галка. — Мы теперь никого не боимся.

— А тогда они вас... — сказал Генка и задумался. Он думал с минуту, но ничего ужаснее придумать не мог.

— Ничего ты не придумашь, — сказала Галка. — Это ведь только кажется страшно. А когда начнешь, то уже ничего не страшно.

— А Карась тоже с вами?

— А с кем же еще! — заявил Славик, который в будущей тяжелой борьбе не хотел оставаться без друга.

А Юрка Карасик и сам не знал, с кем он. Он хотел сказать «нет», но заметил вдруг, что ребята смотрят на него с интересом, что никто не смеется дурацким смехом, и даже в слове «карась» прозвучало вдруг небывалое уважение. И Юрка не сказал «нет».

Папа Славика был человеком грозным.

Правда, на экране телевизора лицо его выглядело веселым и добрым. Когда он читал сводку погоды, то даже голос его был таким приятным, словно он обещал зрителям, что завтра с неба будет капать не дождь, а варенье.

Но Славик знал, что у папы два лица: для телевизора и для дома.

Дома папа был беспощаден и суров. Он не допустит, говорил папа, чтобы из его сына вырос слюнтяй и недоучка. А если сын не будет его слушаться, то он его заставит, он ему покажет, он его научит! Все это папа произносил голосом неумолимым и страшным.

— Ты у меня смотри! — восклицал папа. — Я тебе не мама, я с тобой церемониться не буду!

Славик молча ждал, что будет дальше.

— Ну, что молчишь? — спрашивал папа.

— А что мне говорить?

— Но ты понял, что я тебе сказал?

— Понял.

— Ну, то-то, — говорил папа, хватал пальто и мчался на студию.

А заставлять, показывать и учить Славика приходилось маме.

Тихонько открыв дверь, Славик вошел в квартиру и прислушался. Было тихо. На кухне, на газовой плите стояли укрытые полотенцами кастрюли с едой. Значит, мама после школы успела забежать домой, сготовить и умчалась на очередное собрание.

От еды Славик отказываться не собирался. Тем более, что на второе были голубцы. Голубцы есть — это вам не уроки учить. Славик съел три голубца, но посуду после себя мыть не стал. Посуду мыть — это вам не голубцы есть.

Затем Славик достал из портфеля книжку, которую одолжил ему на один вечер Генка Стрельцов, и направился в комнату. Часть этой книжки он сумел прочитать на последнем уроке. Славик как раз дошел до места, где один второклассник вступил в схватку с тремя бандитами и уже успел обезоружить двоих, но тут раздался звонок и пришлось отрываться на самом интересном месте.

Славик открыл дверь в свою комнату и увидел папу. Тот спал на диване с учебником английского языка на груди. Лицо у папы было вполне мирное, как в телевизоре. Но не успел Славик дать задний ход, как папа шевельнулся, открыл

глаза, заметил Славика, и сразу лицо его приняло домашнее выражение.

— Тебя-то я и ждал, — сказал папа и сел, спустив ноги с дивана. — А ну, говори немедленно, что это за фокусы.

— Никаких фокусов нет, — сказал Славик.

— Молчать! Отвечай как следует!

— Молчать или отвечать! — спросил Славик.

— Ну-ну, — грозно сказал папа, — ты у меня смотри! Я тебе не мама, я с тобой церемониться не буду!

— А что мне говорить?

— Сам знаешь!

— Не знаю.

— Может быть, тебе напомнить? — еще более грозно сказал папа.

— Как хочешь.

— Хорошо, — сказал папа голосом совершенно ужасным, похожим на рычание льва. — Я тебе напомню. Но учти: теперь уже не жди никакой пощады.

Папа обождал немного, словно хотел дать Славику время опомниться и попросить пощады. Славик не попросил. Он знал: чем страшнее рычит папа, тем меньше нужно его бояться. Наверное, все силы уходили у него на рычание, а для настоящей расправы их уже не оставалось.

— Р-р-р... — повторил папа. — Я так и знал: ты растешь слюнтяем и трусом! Мало того, что ты хулиганишь на улице, ты еще, как последний воришка бегаешь от людей. Но, черт побери, я выбью из тебя эту трусость! Я заставлю тебя вырасти порядочным человеком! Советую задуматься над моими словами!

Славик задумался. Нетрудно было сообразить, что папины обвинения сильно отличались от маминых. Мама хотела, чтобы сын вообще не бил стекло и не сшибал с ног прохожих. Папа, очевидно, допускал, что такое может случиться, но при этом требовал, чтобы сын не убегал от расплаты.

— А ты сам бы не убежал? — спросил Славик.

— Никогда! — с гордостью заявил папа. — Не думай, что я в детстве был таким уж тихим ребенком... Я тоже позволял себе иногда... гм... пошалить. Но я всегда... Я хочу сказать: никогда не пытался... гм... Короче говоря, ты понял меня?

— А я бы тоже не убегал, если бы знал, что она меня видела, — сказал Славик.

— Кто видел?

— Продавщица.

— Какая продавщица?

— Которая в тебя влюбилась.

— Что?! — загремел папа. — Что еще за новости! Откуда ты взял эту глупость?!

— Никакая не глупость, — сказал Славик. — Про это все знают. Когда ты мимо магазина идешь, она всегда на тебя смотрит, как дурочка.

— Бред какой-то! — возмутился папа. — Кто тебе сказал такую чушь?

— Не чушь, — продолжал Славик стоять на своем. — У нее за стеклом твоя фотография.

— За каким стеклом?

— На витрине, где колбаса лежит. Она обратной стороной приклеена — днем не разобрать. А вечером, когда за прилавком свет горит, она просвечивает.

— Это какая-то чепуха, — сказал папа и задумался. По лицу его было видно, что он недоволен. Непонятно только, чем недоволен. Тем, что фотография вообще висела в магазине, или тем, что была она в колбасном отделе, а не в каком-нибудь другом. Впрочем, все это для Славика было неважно. Важно было, что приближалось время папе идти на студию, а разговор еще не дошел до главного.

— Но откуда она могла взять мою фотографию? — недоумевал папа. — Я не актер, а только диктор, и мои фотографии не продаются в киосках!

— Мама тоже так говорила, — сообщил Славик.

— Что?! — закричал папа, но в то же мгновение успокоился и сказал спокойным дикторским голосом: — Славик, ты, может быть, иногда позволяешь себе некоторые... гм... глупости... Но я всегда знал, что ты мужик откровенный. Скажи мне, что говорила мама?

— Она сначала тоже говорила: «Откуда там его фотография?»

— А ты что ответил?

— А она не мне говорила, а по телефону.

— Кому?

— Какой-то своей знакомой, — ответил Славик, отметив про себя, что на этот раз никто ему не сказал о том, как плохо подслушивать.

— Только этого не хватало! — возмутился папа. — А что она еще говорила?

— А еще говорила, что она была в магазине и все рассмотрела.

— Что же она там рассмотрела?

— Фотография вырезана из телевизионной программы. Помнишь, там тебя печатали?

Папа вздохнул с облегчением. С лица его сошло телеви-

зионное выражение и появилось домашнее. Он сурово взглянул на Славика и прорычал:

— Я-то помню! А вот ты помнишь, что подслушивать чужой разговор бессовестно?

— Ты же сам меня спрашивал.

— Ты не вали с больной головы на здоровую! Я тебя спрашивал про твои фокусы. А ты мне морочишь голову с какой-то продавщицей!

— Так это она адрес сказала, где ты живешь. Я бы и не убегал, если бы знал, что она скажет. Чего убегать, если все равно домой придут?

— Кому сказала? При чем тут мой адрес?

— А этому дяденьке, у которого я стекло разбил.

— Откуда же она мой адрес узнала?

— Мама тоже так говорила.

— Когда говорила?

— Вчера вечером. По телефону.

Папа схватился за голову и зашагал по комнате. Он дважды прошел из угла в угол, остановился у окна, побарабанил пальцами по подоконнику и вернулся к Славику с таким видом, словно готов был разорвать его на куски.

— А что она еще говорила?! — рявкнул папа.

— Сначала она говорила про адрес. Потом оказалось, что продавщица не адрес сказала, а только фамилию. Адрес они на студии узнали, когда туда позвонили.

— Значит, ты снова подслушивал! — загремел папа. — Да еще теперь на студии станет известно про твои фокусы. Ты знаешь, что я с тобой сделаю?!

Этого Славик не знал. Зато он знал, что папино время подходит к концу. Он взглянул на часы. Перехватив взгляд, папа посмотрел туда же. Стрелка приближалась к четырем. Пора было бежать на студию. На воспитание сына оставалось всего лишь минуты три, и папа решил уложиться в оставшееся время.

— Ты на самом деле отказываешься нам подчиняться?! — крикнул он, пытаясь засунуть ноги в ботинки.

— Да, — ответил Славик.

— Ерунда! Я из тебя вытряхну эту дурь! — сказал папа и заметался по комнате в поисках пиджака. — А ну, подойди ко мне.

Подойти к папе было довольно трудно; ибо он все время бегал по комнате. Славик сказал:

— Не подойду.

— Нет, подойдешь!

— Нет, не подойду!

Папа снова взглянул на часы. Оставалось еще полторы минуты. Папа лихорадочно думал, что бы еще приказать сыну.

— Немедленно марш на кухню! — крикнул папа, натягивая пиджак.

— Зачем? — спросил Славик.

— Принеси мне стакан воды!

— Не принесу! — сказал Славик.

— Включи свет!

— Не включу!

— Телевизор!

— Нет!

— Приемник!

— Нет!

— Вот черт! Пропади ты пропадом! — крикнул папа уже не Славику, а галстуку, который никак не хотел завязываться.

— Не пропаду! — храбро ответил Славик, и в это время часы на стене начали бить свои законные четыре удара.

— Ты у меня смотри! — воскликнул папа, выскакивая в переднюю. — Я тебе не мама, я с тобой церемониться не буду!

Славик вышел за ним следом. Папа пытался надеть пальто, не снимая его с вешалки. Это ему не удавалось. Папа боролся с пальто и рычал:

— Ну что ты молчишь?!

— А что мне говорить? — спросил Славик.

— Но ты понял, что я тебе сказал?

— Понял.

— Вот то-то! — крикнул папа, дернул пальто и оторвал вешалку. Надевая пальто на ходу, папа открыл дверь и выскочил наружу.

— Смотри у меня! Я тебе не мама! — донеслось до Славика уже с лестницы, и на сегодня все кончилось.

А через час Славик снова встретился с папой. Тот глянул на него с голубого экрана, улыбнулся ему и сказал приятным дикторским голосом:

— Добрый вечер, товарищи. Студия телевидения начинает свои вечерние передачи.

ЕЩЕ ПАПА

Галкина мама немного преувеличивала, когда сказала, что папа «очень» расстроился из-за часов. Очень папа никогда не расстраивался. Это бывает только с нервными людьми. Но нервным людям не доверяют водить пассажирские самолеты. Даже грузовые и то не доверяют. А Галкин папа водил четырехмоторный ИЛ-18. Иногда он улетал на сутки, а иногда и на несколько дней. Из дальних рейсов папа привозил подарки, от которых в школе завистники слезами плакали. За один только зуб кашалота Серега Кабанов предлагал Галке велосипед без заднего колеса и почти новенький скелет лягушки.

Зуб лежал на Галкином столе. Прекрасный, желтоватый, громадный зуб. Нормальному человеку одного такого зуба на всю бы жизнь хватило. Но это было еще не все. Там же стояла

стеклянная банка с заспиртованным осьминогом, самым настоящим, только очень маленьким.

За осьминога Галке ничего не давали. Все понимали, что он просто бесценный. За него можно было отдать всю школу вместе с учителями, а может быть, и с самим директором.

Вот почему Галке нравились дальние рейсы.

А маме эти рейсы не нравились, хотя она тоже получала подарки. Мама хотела, чтобы в доме было поменьше подарков и побольше папы.

Но сегодня Галка не ждала никаких подарков. И от этого ей было даже немного легче. Отец ей ничего, и она ему ничего. Или, как бы это лучше сказать: он ей ничего, а она ему чего... В общем так: Галка без подарка, а отец без часов.

Когда Галка пришла домой, папы еще не было. Мама вышла ей навстречу, грустно взглянула на нее, сказала: «Еда в кухне, на столе», — и ушла в свою комнату.

Галка возила ложкой в тарелке с домашней лапшой, и мысли ее тоже были тягучие и скучные, как лапша. Мама ходит расстроенная. В квартире тихо и как-то уныло. Скоро придет папа. Мама сразу ему пожалуется. И в квартире опять будет тихо. И папа снова улетит в рейс...

И Галке уже начало казаться, что зря она затеяла всю эту историю. Но тут она вспомнила, с каким восторгом смотрели на нее в школе ребята, когда она храбро разговаривала с практикантом, и ей стало легче.

Но сразу же она снова подумала о маме, и ей стало тяжелее.

Тогда она стала думать о Славике и Юрке, которых она так здорово выручила, и ей опять стало легче.

Так она сидела за столом, неохотно ела лапшу, думала то о ребятах, то о себе, то о маме, и ей становилось то легче, то тяжелее.

Когда раздался звонок, Галка не побежала папе навстречу, как обычно, а осталась сидеть за столом.

Послышались торопливые мамины шаги. Щелкнул замок. По очереди чмокнули два поцелуя.

— Все хорошо? — спросила мама.

— Как обычно, — ответил папа. — Галка дома?

— Дома, — сказала мама и вздохнула.

— Что-нибудь случилось? — спросил папа и тут же вспомнил: — Ах да, часы. Жалко, конечно. Ну, ты не расстраивайся. Ведь не нарочно она это сделала.

— Мне с тобой нужно поговорить, — шепотом сказала мама. — Идем в комнату.

Снова стало тихо. За закрытой дверью, словно вдалеке,

шелестел мамин голос. Папа молчал. Потом послышался его голос:

— Это не серьезно.

Мама в ответ опять зашелестела что-то быстро и настойчиво. Папа сказал:

— Ну, хорошо, давай ее сюда.

Мама вышла в коридор и, не заглядывая в кухню, позвала Галку.

Папа сидел на тахте, на нормальной тахте, но она казалось маленькой, почти кукольной по сравнению с папой. Мама села рядом с ним, сложила на коленях руки и сразу тоже стала маленькой, словно внезапно превратилась в девочку.

— Здравствуй, — сказал папа.

— Здравствуй, как прошел полет?

— Нормально. А как у тебя дела?

— Нормально.

Уголки папиных губ дрогнули, и лицо его сразу стало таким знакомым, домашним, таким папиным, что Галке захотелось броситься к нему, обнять, извиниться или сделать еще что-нибудь, отчего все станет по-прежнему. Так бы оно, возможно, и случилось. Но рядом сидела мама. Она смотрела на Галку трагическим взглядом. Она была сейчас совсем не такой, как папа. И перед ней почему-то извиняться не хотелось. Галка осталась на месте.

— Ну вот что, — сказал папа. — Часы мы вспоминать не будем. Мама мне все рассказала. Бывает и на старуху проруха, а ты у нас пока не совсем старая. Часы, конечно, жалко: с ними еще мой прадед по морям плавал. Прадеда они пережили, деда пережили, отца пережили, меня уж не переживут. Может, оно и к лучшему. . . Но вот мама мне сказала, что ты тут бунт устроила?

— Я бунт не устраивала.

— Ну вот, — папа обернулся к маме, — я же говорил.

— Галочка, — сказала мама, — вчера ты мне заявила, что отказываешься меня слушаться. Неужели ты будешь это отрицать?

— Я не отрицаю.

— Значит, это правда? — спросил папа.

— Правда.

— Ну, так это и называется бунт. А зачем тебе это нужно? Галка промолчала.

— Чего ты требуешь? Ведь просто так никто не бунтует.

— Она сама не знает, что ей нужно, — сказала мама. — Она хочет, чтобы перед ней на цыпочках ходили.

— Это мы с тобой так думаем, — сказал папа, — а инте-

ресно, что она думает. Или, может, вообще все это чепуха и разговора не стоит, а, Галка?

Папа говорил спокойно и дружелюбно, как всегда. А Галке было не по себе. Не то, чтобы она чувствовала себя глупой, но умной тоже не чувствовала.

— Ну ладно, — сказал папа, — что было, то прошло.

— Но она отказывается делать уроки! — воскликнула мама.

— А это почему? — спросил папа. — Не хочешь нас слушаться — не слушайся, пожалуйста...

— Что ты говоришь! — мама от волнения даже привстала.

— А что, — сказал папа. — Даже интересно посмотреть, что из этого получится. Только не понимаю, при чем тут уроки. Уроки ведь от нас не зависят, они сами по себе, а, Галка?

Самое неприятное для Галки было в том, что папа не удивлялся. Он даже как будто соглашался с тем, что Галка может поступать, как ей вздумается. Только он хотел понять — зачем? И на этот вопрос нужно либо ответить, либо просто признаться, что все это глупость. Но признаваться в своих глупостях не так-то легко. Пожалуй, даже трудно. А иногда и вовсе невозможно.

— А мы так договорились, — сказала Галка. — И я не хочу быть обманщицей. Это нечестно.

— Вы договорились не делать уроки, никого не слушать и вообще вести себя так, как вам хочется? — спросил папа.

— Да.

— А с кем, если не секрет, ты договорилась?

— С Барышевым и Карасиком.

— Ну, тогда понятно, — сказал папа. — Если договорились — ничего не поделаешь. А как у них, получается?

Папа говорил серьезно. Так серьезно, как говорят люди, когда они из всех сил сдерживаются, чтобы не рассмеяться. Галке это не нравилось. Выходило, будто они со Славиком и Юркой затеяли такую чепуху, на которую и сердиться не стоило. Если бы не мама, то Галке было бы совсем худо. Но мама вела себя так, как надо. Она вздыхала, покачивала головой, и в глазах ее было недоумение и даже страх.

— У них получается, и у меня получается, — сказала Галка.

— Но зачем вам это нужно? — не выдержала мама.

— А ты знаешь, это не всегда легко объяснить, — сказал папа, и в голосе его звучало сочувствие к нелегкой Галкиной доле. — Мы спрашиваем ее одну, а ей, оказывается, приходится отвечать за троих. Когда уговариваются трое, да еще на такое серьезное дело, да еще у них получается, — тут и отступить как-то неловко. Верно, Галка?

Галка промолчала. Не хватало еще поддакивать, если над

тобой посмеиваются. Может быть, правда, и не посмеиваются, но уж лучше думать, что так оно и есть. Ведь по лицу папы угадать ничего невозможно. Но лучше думать про худшее. Тогда и жить легче. Тогда и вина меньше, а может быть, и нет ее вовсе.

— Мы вот тоже уговорились, — продолжал папа, — весь экипаж — задание выполнять только на отлично. Пока получается. А если хоть один раз выйдет не отлично, а просто хорошо — ведь смеяться будут. Скажут: «Обещание берете, а не выполняете». Тут уж волей-неволей — тяни на отлично.

— Не смешивай понятия, — строго сказала мама. — Вы уговариваетесь на хорошее дело...

— А они на плохое, — возразил папа. — Над нами будут смеяться, если у нас хуже получится, а над ними, если — лучше.

При этих словах папа подмигнул маме левым, ближним к ней глазом. Но глаз этот был ближним и к Галке. Она заметила отцовские фокусы. А мама заметила, что Галка заметила, и сказала неумолимым и обиженным голосом:

— Я не вижу здесь повода для шуток.

— Я не шучу, — ответил папа. — Я просто уважаю чужие уговоры. А теперь я хотел бы пообедать.

Мама поднялась с обиженным видом. Она выпрямилась и зашагала к двери, неприступная, словно солдат на параде.

Из кухни послышалось звяканье посуды.

Папа снял свой форменный китель, повесил его в шкаф. Пока он пристраивал китель на плечики, Галка осторожно переступила с ноги на ногу. Пол скрипнул, и лицо Галки стало виноватым, словно она сделала что-то недозволенное.

— А все же, что произошло с часами? — спросил папа, не оборачиваясь.

— Сварила, — ответила Галка быстро — она ждала этого вопроса.

Как всегда, папе не потребовалось ничего объяснять. Он все понял сразу.

— Вкрутую? — спросил он серьезно.

— Хотела всмятку.

— Понятно, — сказал папа. — А потом решила: семь бед — один ответ? Так?

— А что?

— А ничего, — сказал папа. — Только мама, по-моему, очень расстроена.

— И я тоже расстроена.

— Еще бы, — согласился папа. — Но ведь мама-то совсем ни при чем. Стоит ли ее наказывать?

Галка вздохнула, но решила промолчать. Отступить вот так, сразу, ей не хотелось.

— Еда на столе, — донеслось из кухни.

— Ты обедала? — спросил папа.

— Обедала.

— Может, еще раз, за компанию?

— Я обедала, — повторила Галка, злясь на себя за то, что ей хочется быть суровой.

Папа вышел из комнаты.

Некоторое время из кухни доносились только «обеденные» звуки: то ложка звякнет о тарелку, то кастрюля грохнет о плиту. Но вот послышался приглушенный мамин голос. Она говорила быстро и длинно. Папа отвечал спокойно и коротко, но слов разобрать было невозможно.

Галка прокралась в коридор.

— Я тебя не понимаю, — услышала она мамин голос. — Ты ведешь себя так, словно это не твой ребенок.

— А как я должен себя вести? — спросил папа.

— Нужно что-нибудь с ней сделать.

— Что?

— Не знаю, но меня очень волнует ее теперешнее поведение. Конечно, если тебе безразлично...

— Мне не безразлично. Просто я не вижу повода для паники. Эта забава быстро ей надоест. Главное, чтобы она сама убедилась, что это бессмысленно.

— А я вижу повод для паники, — сказала мама. — Ты посмотри, как она изменилась. У нее почти не осталось подруг. Все время носится с мальчишками. Я не удивлюсь, если узнаю, что она гоняет с ними футбольный мяч.

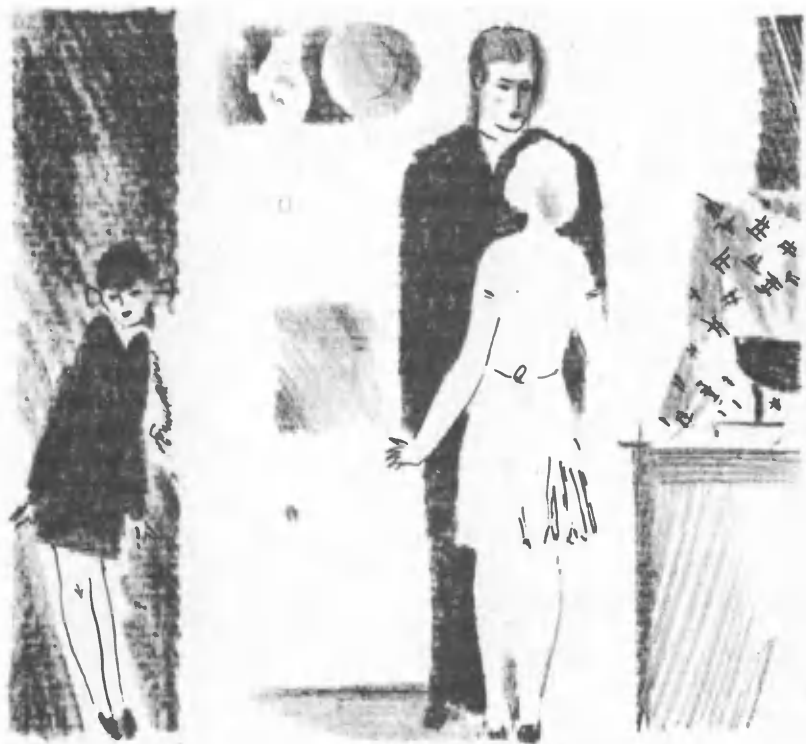
— Чем же тебе не нравятся мальчишки?

— Не знаю, — сказала мама. — Но я знаю, что она моя дочь. Она девочка, а не мальчишка. Она должна следить за собой, а не приходить домой с изодранными коленками. Должна она, в конце концов, быть в какой-то мере женственной?

«Ого!» — подумала Галка. Мамины слова о женственности чрезвычайно ее заинтересовали. Галка продвинулась поближе к кухне, но в это время мама встала и закрыла дверь.

«На самом интересном месте», — отметила про себя Галка и принялась размышлять о том, женственная она или нет. Решить это оказалось не так просто.

Галка вернулась в комнату и встала перед зеркалом. Там отразилась длинноногая девчонка в школьном коричневом платье. На ногах этой девчонки были чулки, и никаких царапин на коленках не было видно. «Кажется, женственная», — подумала Галка.

Она раскинула руки в стороны и повернулась на одной ноге, словно балерина. Она улыбнулась своему отражению и увидела синие от чернил зубы. «Неужели не женственная?» Галка крутнулась еще раз. Длинная коса, которой так гордилась мама, хлестнула Галку по лицу. Галка ухватила косу за хвост, обернула ее вокруг шеи. Получился меховой воротник. «Нет, все-таки женственная!» — решила Галка и быстро отошла от зеркала, чтобы еще раз не передумать.

Женственной походкой приблизилась Галка к кухонной двери и приложила к ней свое женственное ухо. Говорили уже не о ней.

— Конечно, разве ты можешь понять, что такое быть женой летчика, — сказала мама.

— Не могу, никогда не был замужем. — По тону отца Галка поняла, что он улыбается.

— Оставь свои авиационные шутки, — сказала мама. —

Конечно, не тебе приходится сидеть дома одному и ждать. По два дня ждать, по пять дней...

— И по неделе, если погода нелетная, — уточнил папа.

— Да, и по неделе!

— Может быть, мы прекратим этот разговор? — спросил папа. — Мне еще далеко до пенсии.

— А мне надоело все время ждать!

— Есть выход, — сказал папа.

— Не вижу.

— Поступай на работу.

— Вот как! По-твоему, я бездельничаю?

— Я этого не говорил. Я знаю, что дома работы хватает. Но если тебе надоело сидеть дома, выход только один.

— Конечно, ты всегда прав, а я всегда виновата.

— Но я же тебя ни в чем не обвиняю, — сказал папа спокойно.

— Не кричи на меня! — немедленно отозвалась мама.

В кухне стало тихо. Там над чем-то задумались. Задумалась и Галка. Когда говорила мама, Галка была за маму. Когда папа ей отвечал, Галка была за папу. Они оба были правы и все же ссорились, и Галка понимала, что эта негромкая ссора началась из-за нее.

Послышался звук отодвигаемой табуретки. Галка неженственно метнулась в коридор и застыла у двери.

Из кухни вышел папа. Он направился в комнату, достал из шкафа китель и надел его. Затем взял свой портфель, вышел в коридор, и в этот момент из кухни выглянула мама. Лицо у нее было растерянное.

— Ты уже уходишь? — косясь на Галку, спросила она фальшивым голосом.

— Я совсем забыл: у нас сегодня собрание, — ответил папа голосом не менее фальшивым.

— Постарайся долго не задерживаться, — сказала мама голосом фальшивым до предела и удалилась в спальню.

Папа, без обычной улыбки, кивнул Галке и захлопнул за собой дверь. Галка осталась одна в пустом коридоре. Она уже жалела, что подслушала разговор на кухне. Лучше бы она ничего не знала. И тогда ей не было бы неловко за родителей, которые только что не очень умело делали вид, будто ничего не случилось.

А еще больше ей было неловко за себя, ибо она понимала, что это она заставила их разговаривать фальшивыми голосами.

Второй день Юрка Карасик спасался у бабушки. Это были очень длинные дни. Он слонялся по комнате или подолгу стоял у окна, разглядывая улицу. Ему не хотелось ни читать, ни слушать радио. Не хотелось ни есть, ни гулять. Он маялся, и, глядя на него, маялась бабушка.

У бабушки был аквариум. Там плавали золотые рыбки. Но это были не те рыбки, которые могли совершить чудо, хотя Юрка и пробовал с ними договориться. Беззвучно шевеля губами, притворяясь сам перед собой, будто шутит, он попросил у них пылесос, зеркало, часы и приемник. Но рыбки ничего не хотели знать. Они плавали у поверхности, беззвучно разевали рты, глотая пузырьки воздуха, и ни одна из них не заговорила человеческим голосом.

— Ты чего там гримасничаешь? — спросила бабушка.

— Я не гримасничаю.

— Ох, шел бы ты лучше домой. И у меня, на тебя глядя, душа болит, и мать беспокоится. Вчера — уж ты спать лег — звонила. Кричит на меня, говорит — я тебя укрываю.

— Разве она на тебя тоже кричит? — спросил Юрка. — Ведь ты ей мама.

— Так и что же, что мама. Тебе она тоже мама, а ей от тебя — одно горе. Ты ее обижаешь, а она меня. Нынче дети умней отца с матерью. А я, когда росла, не то что кричать, пискнуть не смела. Нас у отца, твоего прадеда, было двенадцать человек. Я — старшая, мне больше всех и доставалось.

— А за что? — спросил Юрка.

— А за все. Помню, один раз материны туфли надела, уж так мне хотелось по деревне в новых туфлях пройтись... И ведь даже не запачкала их, не испортила... Домой вернулась, а меня отец как начал с руки на руку перекладывать: то по одному уху, то по другому, я и качаюсь, словно маятник. А убежать или там спрятаться — избави бог! Да и куда убежишь?

— В детский дом! — сказал Юрка, удивляясь бабушкиной недогадливости.

— Не было тогда детских домов. Да и обычая бегать не было. Бьют — терпи. У нас в роду все битые, один ты небитый растешь.

— Ну да, — возразил Юрка, — она меня всегда по затылку бьет.

— Это не бьет, а считай — гладит.

— И ты маму била?

— А тебе зачем знать?! — рассердилась бабушка. — Давно

было. Не помню. А была, так за дело. Иди лучше погуляй, чем вопросничать.

— Не хочется.

— С Фоксиком пойди, сосед просил, он сегодня за город уехал. Ты иди в садик, а я к маме схожу. Без телефона мы с ней лучше поладим.

Пока бабушка одевалась, Юрка пошел на кухню за Фоксиком. Тот лежал под столом, положив голову на передние лапы, и смотрел на Юрку грустными черными глазками. Короткий хвост Фоксика чуть дрогнул в знак того, что он узнал Юрку. Маленький, с курчавой шерстью, задумчивый и смирный на вид, Фоксик был похож на игрушечного. Но это только на вид. Внутри Фоксика сидел настоящий черт. Когда он выходил во двор, то кошки разбегались от него с такой поспешностью, словно он был начинен динамитом. Большие собаки, услышав предостерегающее ворчание Фоксика, не торопились подойти поближе к нему для знакомства. Он не боялся ни собак, ни автомашин, ни трамваев. Не боялся он и людей, но терпел их присутствие, если они не лезли к нему со своими ласками. Люди обижались на это — и совершенно напрасно. Будь они на месте Фоксика, им бы тоже не понравилось, если бы каждый прохожий старался их погладить. Фокстерьер ведь не кошка. И если у людей не хватает понятия отличить фокса от кошки, то и нечего приставать со своими нежностями.

К Юрке Фоксик относился неплохо по двум причинам: Юрка охотно играл с ним в прятки; от Юрки не пахло табаком, вином, одеколоном, сапожной ваксой и прочими совершенно невыносимыми для Фоксика запахами.

— Фоксик, гулять пойдешь? — спросил Юрка.

Фоксик поднялся, неторопливо, с достоинством потянулся и внимательно посмотрел Юрке в глаза, проверяя, не шутка ли это.

— Гулять! — повторил Юрка.

Фоксик прошел в переднюю и уселся возле гвоздя, на котором висели его поводок и ошейник. Он терпеливо ждал, пока Юрка застегнет пряжку ошейника и пристегнет поводок.

— Ты его не спускай, — посоветовала бабушка. — Он хоть и мал, а такой скандал может учинить — не обрадуешься. И по улицам не ходи, иди сразу в садик.

Но Юрка не пошел в садик. Сдерживая на поводке Фоксика, рвавшегося во все подворотни в поисках кошек, Юрка тайком шел за бабушкой. Зачем он так делал — и сам не знал. Он проводил бабушку до своей парадной, забежал во двор и увидел, как в окнах их комнаты зажегся свет. Значит, мама

была дома. Почему-то Юрке стало от этого веселее. Он постоял еще немного во дворе и побежал в садик.

Несмотря на запрещение, Юрка спустил Фоксика с поводка, как только они оказались в дальнем углу. Это был тот самый угол, где стояла с веслом одноногая и одноухая женщина. Туда редко заглядывали люди, и Фоксик мог носиться здесь сколько угодно, распутывая кошачьи и собачьи следы.

Юрка нашел палку, и они с Фоксиком принялись играть в игру, которая одинаково нравится и собакам и людям. Юрка швырял палку подальше, а Фоксик приносил ее и клал к Юркиным ногам. Юрка смотрел на игру с человеческой точки зрения. Ему было приятно, что у него такой умный пес. Фоксик смотрел на все глазами собаки. Ему тоже было приятно, что у него такой умный хозяин. Они оба были довольны друг другом.

Внезапно Фоксик насторожился. Принеся палку, он не подал ее Юрке, а улегся на нее и придавил передними лапами. Юрка взглянул туда, куда смотрел Фоксик. Он увидел двух женщин, а впереди них, гордо вскинув рыжие лисьи морды, выступали две большие овчарки колли. Все это выглядело так торжественно, что Юрка почувствовал себя совсем ничтожным со своим маленьким фоксом.

Колли увидели фокса, напряглись и загарцевали, натягивая поводки. Но женщины, увлеченные разговором, ничего еще не заметили.

Где-то в глубине маленького, курчавого тела фокса родился стонущий звук. Фокс изнывал от желания вступить в бой. Ему так редко приходилось драться, что было бы просто глупо упустить такой исключительный случай. Но под передними лапами фокса лежала палка. Он не раздумывал бы ни секунды, не будь этой палки, которую нельзя оставлять без присмотра. Но он понимал, что невозможно драться с палкой в зубах, и потому стонал, как в бессилии стонет боец, у которого связаны руки. Юрка пристегнул поводок. Фокс даже не шелохнулся. Он смотрел на овчарок, и глаза его, казалось, молили, чтобы те подошли поближе. Овчарки заскулили и рванулись к фоксу, и тут женщины заметили Юрку.

— Какой славный фокстерьер, — сказала одна из женщин. — Просто прелесть. Кто мать?

Юрка немного удивился, но ответил:

— Моя мама работает в парикмахерской.

Женщина засмеялась.

— Я не про твоих родителей спрашиваю. У твоего фокстерьера должна быть родословная. Есть у него родословная?

— Есть, — сказал Юра, хотя и не знал, что такое родо-

словная. У Фоксика было все, что нужно, — в этом Юрка не сомневался.

— А может быть, он беспородный? — сказала вторая женщина.

— Нет, — возразила первая, — посмотрите на морду. Настоящий фокс. А какие уши! — Она протянула руку, словно хотела дотронуться до ушей. Ее колли тут же рванулся к Фоксику. И Фоксик не выдержал.

Бедняга колли не успел ничего понять. Песок, вырвавшийся из-под ног Фоксика, хлестнул Юрку по ногам, поводок лопнул, и колли увидел на своем левом боку фокса еще прежде, чем ощутил боль от укуса. Колли завертелся на месте, пытаясь стряхнуть врага, но когда это ему удалось, он тут же обнаружил фокса на правом боку. Колли взвыл от негодования. Женщины разом закричали. Второй колли, рыча, бросился на помощь своему приятелю. И только Фоксик не издал ни звука. Рот его был забит чужой шерстью, он занимался делом и разговаривать ему было некогда.

Рычащий, хрипящий бело-рыжий клубок покатился по дорожке. Потом от него отделилось что-то белое, а когда он совсем распался, то обнаружилось, что Фоксик стоит в стороне, а два рыжих приятеля грызут друг друга...

Юрка бросился к Фоксику, чтобы оттащить его подальше, но Фоксик наморщил нос и показал маленькие белые зубы.

«Р-р-р... — сказал он. — Теперь не лезь! Разве не видишь, что не все еще кончено».

Женщины суетливо бегали вокруг собак, пытаясь поймать их за ошейники и растащить в стороны. Они кричали «назад» и «ко мне», но колли не слушали их и грызлись с таким ожесточением, словно ненавидели друг друга уже тысячи лет.

Наконец одной из женщин удалось оттащить своего пса. Второй тут же вскочил на ноги, и оба они, сразу остыв, смотрели друг на друга с недоумением.

«Так это ты?! — спрашивал, казалось, один. — Так это мы с тобой дрались?»

«Я и сам удивляюсь! — отвечал другой. — Из-за чего же все это вышло?»

Но Фоксик, который прекрасно помнил, из-за чего все вышло, еще не считал дело законченным. В три прыжка набрав скорость, как маленький истребитель, он взвился в воздух и снова повис на боку второго колли. И тут произошло чудо, если, конечно, считать чудом победу мужества над силой. Колли несколько раз волчком повернулся на месте, взвыл и бросился прочь, унося на себе Фоксика. Размахивая поводком, за ним побежала хозяйка.

Юрка стоял в растерянности. Еще несколько секунд назад он думал только о Фоксике, о том, чтобы тот хотя бы остался жив. Но сейчас, глядя на клочья рыжей шерсти, свисавшие с бока овчарки, Юрка по привычке чувствовал себя виноватым. Вместо того, чтобы бежать за Фоксиком, он стоял и покорно слушал хозяйку второго колли.

— Ты зачем водишь собаку без намордника! — кричала она. — Разве ты не знаешь, что это запрещается?!

— Ваша тоже без намордника... — попытался возразить Юрка.

— Наши еще в жизни никого не тронули! А твоего бандита нужно в клетке держать! Вот сейчас позову милиционера...

Женщина ругала Юрку, размахивая свободной рукой. Другой рукой она удерживала колли, который хрипел и извивался в своем ошейнике, стараясь дотянуться до Юрки. А Юрка стоял съежившись и боялся пошевелиться, потому что уже ясно представлял себе, как здоровенные клыки овчарки впиваются в его ногу.

В это время на аллее появился парень. Еще издали он увидел испуганного мальчишку, рассерженную женщину и большую собаку, которая рвалась к мальчишке изо всех сил.

Парень прибавил шаг. Он аккуратно обошел собаку, встал рядом с Юркой и спросил женщину:

— Что случилось?

Колли, перед которым стояло уже два врага, заметался еще яростнее.

— Вы возьмите его двумя руками, а то сорвется, — предупредил парень.

— Он еще в жизни никого не тронул!

— Мне не хочется быть первым, — сказал парень. — Так что же случилось?

— А случилось то, что его теперь нужно на прививки водить! — раздраженно сказала женщина, показывая на колли.

— А при чем тут мальчик?

Женщина взглянула на Юрку, и в глазах ее появилось тоскливое выражение человека, которому не дали доругаться.

— А, да что вы понимаете... — сказала она, повернулась и пошла по дорожке к выходу. Она прошла несколько шагов и вдруг стегнула своего колли концом поводка по спине и проговорила чуть ли не со слезами: — А ты, дурак, не лезь к фокстерьерам! Не лезь никогда больше!

Колли заложил уши и, виновато поглядывая на хозяйку, затрусил с ней рядом.

— Кажется, была драка, — понял парень. — А где фокстерьер?

Только сейчас Юрка сообразил, что Фоксика нет и что если он пропадет, то Юрке не расплатиться с бабушкиным соседом до конца жизни. Но едва он успел так подумать, как увидел Фоксика, который неторопливо, с видом победителя возвращался обратно. Не обращая внимания на парня, Фоксик подошел к палке и улегся на нее. Весь вид его говорил о том, что случившемуся он не придает никакого значения, что гонять овчарок для него привычное дело, а вот что палка цела — это хорошо, потому что это было его главной заботой.

— Все ясно, — сказал парень, — только не ясно, как ему удалось справиться с таким зверем.

— С двумя! — гордо сказал Юрка. — Тут было две таких собаки.

Похвалить собаку — все равно, что похвалить ее хозяина. Юрка готов был разделить с Фоксиком его славу. Он уже собрался рассказать парню все с самого начала, но тот внимательно оглядел его и сказал:

— А ведь я тебя знаю.

Тогда и Юрка взглянул на него и узнал практиканта, который вел урок у них в классе.

— Ты — Карасик, — сказал парень.

— Нет, это не я, — быстро ответил Юрка. Он всегда боялся разговаривать с людьми, перед которыми чувствовал себя виноватым.

— Ну, как хочешь, — парень медленно, будто с сожалением повернулся и пошел прочь. Что-то было несчастливое в этом парне, как и в самом Юрке. Юрка не мог понять что, но это было.

— Подождите! — крикнул Юрка. — Я — Карасик.

Парень вернулся и встал рядом. Он улыбнулся, но как-то невесело, и Юрка ощутил, что между ними протянулась какая-то ниточка, теперь они уже не могут разойтись просто так, а должны поговорить о чем-то очень важном для них обоих.

— Эх, и здорово они дрались, — неуверенно сказал Юрка и понял, что говорит не то.

— Расскажи, — согласился практикант, но видно было, что думает он сейчас совсем не о собачьей драке.

— Да нет, это я так. . . — сказал Юрка. — Все равно собака не моя. Я просто с ней гуляю.

— Соседская?

— Не наших соседей, а бабушкиных. Я сейчас у бабушки живу.

— А родители что, уехали?

— У меня нет родителей.

— Как это нет?

— Мама есть, а папы нет.

— Умер?

Когда кто-нибудь узнавал, что у Юрки нет папы, то прежде всего ему приходило в голову, что тот умер. Мама всегда говорила Юрке, чтобы он так и отвечал: да, умер. Но Юрка чувствовал себя виноватым перед практикантом и говорить неправду сейчас ему не хотелось. Он сказал:

— Нет, он нас бросил.

После этих слов практикант смутился и перестал задавать вопросы. Склонив голову набок, он принялся внимательно разглядывать Фоксика. Затем взгляд его остановился на одной статуе. Он улыбнулся, но опять как-то грустно.

— Забавная фигура, — сказал он. — Интересно, как она умудрилась потерять ногу?

И опять Юрке не захотелось врать. Сознательно отдавая себя в руки этого человека, он сказал правду:

— Она не потеряла, я ее сам сломал.

Практикант не удивился. Он поверил сразу, и в том заключалось самое приятное для Юрки. Ведь не так уж и часто к Юрке относились серьезно.

— А зачем? — спросил практикант.

— Я не нарочно. Просто я невезучий. Я до нее только дотронулся, а она отвалилась.

Практикант понимающе кивнул.

— Это бывает, — сказал он. — Только почему мы стоим? Давай посидим на скамейке.

Они сели на скамью. Фоксик перенес к Юркиным ногам палку и снова улегся на нее.

— Значит, ты невезучий? — задумчиво сказал практикант. — Я и не знал, что бывают невезучие дети. Я думал, это случается только со взрослыми.

— Еще как бывает, — сообщил Юрка. — А еще хуже, если не везет, а другие смеются. Ну чего тут смешного? Если бы с ними так...

— Смешного мало, — согласился практикант. — Тебя как зовут?

— Юра.

— Меня — Вячеслав.

— Я помню, — сказал Юрка. — Вячеслав Андреевич — нам Майя Владимировна говорила.

— Попало вам тогда за урок?

— Не очень. А у вас деньги отобрали?

— Какие деньги?

— Стипендию. Нам Майя Владимировна говорила...

— Ах, вот оно что... Насчет стипендии не знаю. Если раз-

решат еще один зачетный урок. . . Если он опять не сорвется. . . Тут много всяких «если». Ты мне лучше расскажи, вы тогда нарочно все подготовили?

— Что подготовили?

— Ну, фамилии звериные. . . Отвечать отказывались. Зачем у вас все это было? Ты понимаешь, — мне очень важно знать. . . Я понимаю: если учитель чувствует себя неуверенно, ребята сразу замечают. А я тогда немного растерялся. . . Вы это заметили?

— Я ничего не заметил, — вполне искренне ответил Юрка.

— Ну как же? Ведь ты первый отказался отвечать.

— А я на самом деле не выучил.

— А остальные?

— Они тоже не выучили.

— Странное совпадение, — сказал Вячеслав Андреевич. — А ты меня не обманываешь?

— Честное слово! Кого вы спрашивали, все не выучили.

А что вы придете, мы даже не знали.

— Почему же тогда ребята без конца смеялись, разговаривали? Разве вы на всех уроках ведете себя так? Например, у Майи Владимировны?

— Нет, она не разрешает смеяться, — сказал Юрка.

— Вот в том-то и дело, — грустно сказал Вячеслав Андреевич. — А я разрешил? Ведь так?

Юрка задумался. Он помнил этот урок, вернее, ту половину его, на которой он присутствовал. И он хорошо помнил, что ребята шумели и смеялись без всякого разрешения.

— Нет, не так, — уверенно сказал Юрка.

— Нет, разрешил. Я и сам не знаю, с какого момента, но разрешил. — Вячеслав Андреевич встал, прошелся вдоль скамьи и снова сел. — Я просил Майю Владимировну не помогать мне во время урока. Я хотел справиться сам. И вот что получилось. Значит, все верно, значит, все правильно. . .

Последние слова Вячеслав Андреевич произнес так, будто разговаривал сам с собой, но, поймав недоуменный взгляд Юрки, пояснил:

— Правильно, что сам виноват.

— Ничего вы не виноваты, — возразил Юрка. — Это мы виноваты. Только мы не нарочно. А вам надо было выгонять, кто шумит.

Вячеслав Андреевич улыбнулся, на этот раз веселее.

— Всех сорок человек выгоню, а с кем же урок буду вести?

— Зачем всех? У нас физкультурник знаете какой строгий? Он всегда одного или двух выгонит. Зато остальные сразу успокаиваются.

— Да? Это неплохая мысль. Надо будет попробовать, — сказал Вячеслав Андреевич. — Только, понимаешь, я не люблю людей выгонять. Мне это неприятно, да и им тоже, наверное.

— Ну да, — возразил Юрка, — у нас Кабанова Серегу чуть не каждый день выгоняют, а ему все равно, даже нравится.

— Жалко, что я этого не знал раньше, — вздохнул Вячеслав Андреевич. — Тогда я бы его выгнал с самого начала. Он ведь больше всех шумел, да?

— Нет, он тихий. Он незаметно под партой ногами пинается. Или под руку поддаст, а в тетради — клякса. Про него все учителя знают. Они не на него смотрят, а под парту: чего он там ногами делает.

— Да, опасный человек Серега, — согласился Вячеслав Андреевич. — А тебе, Юра, домой не пора? Может быть, я тебя задерживаю?

— А мне домой нельзя, — уныло сказал Юрка. — Я опять — к бабушке.

— Почему тебе домой нельзя?

Юрка задумался. Ему хотелось рассказать все Вячеславу Андреевичу, но рассказать так, чтобы стало ясно, что никакой Юркиной вины тут нет, чтобы Вячеслав Андреевич удивился тому, сколько бед может свалиться на одного человека; удивился и ахнул, и возмутился бы такой несправедливостью.

Вячеслав Андреевич не торопил Юрку. Он опять встал и прохаживался вдоль скамьи. Фоксик внимательно следил за ним и потихоньку все больше подгребал под себя палку.

— Это из-за мухи, — сказал, наконец, Юрка.

Впервые Юркин собеседник не улыбнулся, лицо его было сочувственным и серьезным. Рассказывать было легко, и Юрка выложил все до конца.

— Да, выходит — мы с тобой оба невезучие, — сказал Вячеслав Андреевич.

— Выходит, — ответил Юрка. — Только я — больше.

— Ты — больше, — подтвердил Вячеслав Андреевич. — Потому что в моем невезении я сам виноват.

— Нет, мы тоже виноваты! — великодушно сказал Юрка.

— Ну и вы немного. А вот в твоих несчастьях... — Вячеслав Андреевич замолчал и внимательно взглянул на Юрку, словно ждал от него подсказки.

— Муха... — неуверенно сказал Юрка. — И я... тоже... немножко...

— Пожалуй, и ты немножко, — согласился Вячеслав Андреевич. — Но дело сейчас в другом. Ты ведь не можешь всю жизнь ночевать у бабушки? Вернуться к маме все равно придется.

— Если бы я только будильник сломал... — тоскливо сказал Юрка. — Он дешевый.

— Знаешь что? — сказал Вячеслав Андреевич. — По-моему, я смогу тебе помочь. У меня брат работает в телевизионной мастерской...

— А в пылесосной у вас никого нет? — оживился Юрка.

— В пылесосной нет. Но это неважно. Телевизионщики могут починить радиоприемник. Думаю, что они и с пылесосом управятся. Там ребята такие: если захотят — из дыма дрова сделают.

— У меня денег нет.

— Если за деньги, то это не помощь. Я поговорю с братом. А ты приходи завтра на это место. В пять часов. Договорились?

— А вы не шутите? — спросил Юрка, все еще не веря неожиданному счастью.

— Нет, — сказал Вячеслав Андреевич, — я ведь тоже невежущий, я тебя понимаю. А теперь идем, мне пора.

Юрка взял Фоксика на поводок, и они с Вячеславом Андреевичем направились к выходу. На душе у Юрки было легко, он шел весело и без нужды покрикивал на Фоксика, который чертил носом по дорожке, принюхиваясь к каким-то ему одному понятным запахам.

У ворот сада, прощаясь, они пожали друг другу руки.

— До завтра, — сказал Вячеслав Андреевич. — В пять часов.

— В пять часов... — повторил Юрка.

Вячеслав Андреевич зашагал по тротуару. Юрка смотрел ему вслед, и у него не проходило ощущение, что он не сказал чего-то очень важного этому человеку. Это «что-то» вертелось на кончике языка, но было неуловимо и никак не хотело обращаться в слова. А когда все же Юрка понял, что он не сделал, то Вячеслава Андреевича уже не было видно.

Юрка сорвался с места и бросился к автобусной остановке. Автобус уже отъезжал. На подножке висели пассажиры, и двери были открыты. Юрка увидел только затылок Вячеслава Андреевича.

— Вячеслав Андреевич, а вы приходите к нам еще! — крикнул Юрка. — Я ребятам скажу, мы будем сидеть тихо!

Вячеслав Андреевич обернулся. Он тоже крикнул:

— Завтра в пять!.. — и было неясно, понял он Юркины слова или нет.

Когда Юрка вернулся, бабушка была уже дома.

— Ты куда запропал? — сказала она. — Я уж тебя искать собиралась. Иди домой, мать требует.

— Бабушка, можно я у тебя до завтра останусь?! — взмолился Юрка. — Мне завтра в пять часов нужно встретиться с одним человеком. Она же меня не пустит!

— А тебе кто важнее, мать или человек какой-то?!

— Бабушка, ты же не понимаешь! Это очень важно!

— Конечно, где уж мне понимать... Совсем дура стала.

— Да ты не дура, — с отчаянием сказал Юрка. — Ну кто тебе говорит, что ты дура! Хочешь, я тебе за хлебом схожу? Хочешь, полы вымою? Ты пойми, мне обязательно нужно встретиться.

— Пол вымоешь?! — изумилась бабушка. — Ну, тогда, значит, тебе и на самом деле приспичило. Ночуй, мне не жалко. А что я матери скажу?

— Я сам скажу.

— Ох, парень, — вздохнула бабушка. — Где твое «сам» раньше было? Ну, беги в булочную, с полом и без тебя управятся.

НУ И НЕ НАДО!

На следующий день, когда Юрка пришел в школу, никто не спросил его, почему он пропустил занятия. Только Славик поинтересовался, довольно, впрочем, равнодушно:

— Ты чего вчера не был?

— Так... — ответил Юрка, и Славик удовлетворился этим ответом.

Учителя тоже ни о чем не спрашивали Юрку, но он замечал, что они иногда как-то странно поглядывали на него, на Галку и на Славика. Юрке это не нравилось.

Галка тоже выглядела сегодня задумчивой. Она сидела, уткнув нос в парту, и ни на что не обращала внимания. И только у Славика был, как обычно, вид уверенный и спокойный.

До конца второго урока не случилось никаких происшествий. Юрка понемногу успокоился. Он уже стал подсчитывать, сколько оставалось времени до пяти, когда они встретятся с Вячеславом Андреевичем.

Но на третьем уроке начались неприятности. Третьим уроком была физкультура. Учитель физкультуры относился к своему предмету с большим уважением. Он терпеть не мог учеников, которые отлынивали от занятий, ссылаясь на всякие болезни. Когда он видел справки об освобождении от физкультуры, у него делалось такое лицо, будто он съел ложку горчицы.

— Зачем вам эти справки?! — возмущался он. — От чего вы освобождаетесь? От того, чтобы стать здоровыми и ловкими? От того, чтобы быстро бегать и далеко плавать? Вы знаете Стенли Метьюза? В сорок семь лет он еще играл в футбол за сборную Англии! А вы знаете, что с вами будет в сорок семь лет? При таком отношении к физкультуре в сорок семь вы разжиреете, по лестницам будете ползать пыхтя, как бегемоты, а играть сможете разве что в домино! Нет, я сделаю из вас здоровых людей!

Последние слова звучали как угроза.

Но никто не хотел задумываться над тем, что будет с ним в сорок семь лет. Сорок семь — это немыслимый возраст. Тут никак не дождешься, когда исполнится хотя бы пятнадцать, а тебе толкуют что-то про сорок семь. Чудовищная цифра! Такого вообще, наверное, никогда не будет.

Лишь предусмотрительный Генка Стрельцов заметил однажды, что к тому времени не придется думать о своем здоровье, потому что ученые изобретут атомное сердце и капроновые мозги. Физкультурник сердито ответил, что, судя по Генкиным словам, такие мозги уже есть. Генка обиделся. Ребя-

та посмеялись, но от справок по-прежнему никто не отказывался.

Юрке физкультура нравилась. У него неплохо получались упражнения на турнике и кольцах. Прыгал он хорошо. Ну, а уж бегал — лучше всех в классе. Возможно, было так потому, что жизнь приучила его бегать и скрываться от разных неприятностей и для этого дала Юрке быстрые ноги. Но это уже неважно. Все равно делать то, что у тебя хорошо выходит, — приятно.

Урок начался разминкой. Затем стали делать упражнения на гимнастической стенке. Большинство ребят, вцепившись руками в перекладины стенки, корчились на ней, как мухи в паутине. Генка Стрельцов повис на одной руке и старался ногой почесать ухо, изображая из себя обезьяну. Но за этим тоже скрывалась беспомощность, ибо больше Генка ничего не умел. И только один Юрка мог вытянуть вперед ноги и держать их горизонтально.

Физкультурник похвалил Юрку и сдернул со стены Генку, предупредив, что в следующий раз отправит его в коридор.

Потом на полу разложили маты, поставили перед ними стойки с протянутой между ними веревкой — и начались прыжки в высоту.

Первым в очереди стоял Сергей Кабанов. Он разогнался из самого дальнего угла зала. Он неся уверенно и тяжело, словно готов был сокрушить и стойки, и все, что находилось за ними. Но, подбежав к тоненькой веревочке, он внезапно остановился, потоптался на месте и направился обратно. Ребята засмеялись.

— Смелее, — посоветовал физкультурник, — не раздумывай, а просто прыгай.

Сергея повторил разбег. На этот раз он прыгнул и грохнулся на маты, словно мешок с песком, унеся на ногах веревку. Все опять засмеялось, а Серега почему-то оскорбился. Но обижаться на всех бессмысленно, и потому Серега выбрал того, кто смеялся охотней, и сказал ему, проходя мимо:

— После урока имеешь...

Веселее всех смеялся Славик.

Но скоро очередь дошла до Славика. Он уже приготовился к разбегу, когда услышал мстительный шепот Сереги:

— Слабо не прыгнуть, слабо... Тебе же все равно, ты никого не боишься.

— От слабака слышу, — ответил Славик, не оборачиваясь.

— Барышев, мы долго будем ждать? — крикнул физкультурник от стоек.

— Долго, — ответил Славик.

— Что? — переспросил физкультурник, думая, что ослышался.

— Я не буду прыгать.

— Почему?

— Не хочу.

— Тогда иди за дверь.

И Славик направился к двери. Он шел, чувствуя на своей спине восхищенные взгляды. Но когда он прикрыл дверь и заглянул в щелку, то увидел, что прыжки продолжают как ни в чем не бывало, и Славик впервые в жизни подумал о том, что люди мало ценят своих героев.

Впрочем, Славик не собирался геройствовать в одиночку. Когда приготовился прыгать Юрка, Славик сложил губы трубочкой, втиснул их в щель и прогудел:

— Карась — трус...

Юрка вздрогнул. Он хорошо помнил уговор. Но почему по этому уговору он не должен прыгать? Ему хотелось прыгать, потому что он умел это делать. И все же больше всего Юрке не хотелось быть трусом.

Юрка застыл на месте, переминаясь с ноги на ногу.

— Ну, Карасик...

Юрка стоял.

— Высота мала? Потом поднимем.

Но Юрка думал сейчас о другой высоте.

— Прыгай, не задерживай других.

Юрка отошел в сторону.

— В чем дело, Карасик? У тебя нога болит?

— Не болит.

— Так в чем же дело?

— Я не хочу прыгать.

Физкультурник любил Юрку, но раздумывал он недолго. Он не знал, что сейчас происходило с Карасиком, но знал, что всегда должен поступать справедливо.

— За дверь.

Юрка вышел, не ощущая ни радости, ни гордости от своей смелости.

— Ну чего ты ко мне пристал?! — с раздражением сказал он Славику.

— А что я тут один должен стоять?

— А почему я должен все делать, как ты?

— Мы же уговорились...

— А если уговорились, так иди и ты жить к бабушке. Сам-то дома живешь.

— А у меня нет бабушки, — беспечно сказал Славик. — Я бы запросто пошел. Я ведь не такой трусливый.

— Когда я струсил?! — возмутился Юрка. — Я ведь для вас делаю. Не хочу даже, а все равно делаю! И меня еще обзывают! Ты уж больно храбрый — через веревочку побоялся прыгнуть!

— Я не боялся, а не хотел, — холодно сказал Славик.

— А я хотел!

— Ну и прыгал бы, кто тебе мешал?

— Ты! — сказал Юрка.

Юрка со Славиком давно считались друзьями. Так думали все. Да и они привыкли так думать. Тянулась их дружба из класса в класс, но если спросить любого из них, почему они дружат, вряд ли кто-нибудь смог бы ответить. Ну, вместе приходят... Вместе уходят... Иногда ссорятся, но никогда не дерутся. Разве этого мало? Что еще надо? Еще недавно Юрка не задумывался над этим. И только сейчас, стоя у двери спортзала, Юрка подумал, что в дружбе этой чего-то не хватает. Он чувствовал себя правым в споре со Славиком. Но Славик не мог его понять. И Юрка смутно ощущал: не в том, что не мог, а в том, что не хотел понять, — главная вина Славика.

Юрка и Славик не успели рассориться окончательно. Дверь отворилась — и из спортзала вышла Галка.

Славик обрадовался.

— Видал? — сказал он Юрке. — Ее небось уговаривать не надо! Только тебя всегда надо уговаривать.

Но и у Галки вид был далеко не геройский.

— А ты зачем ушла? — спросил Юрка. — Тебя же никто не просил!

— Ну да, потом сами бы сказали, что я предательница.

— Никто бы ничего тебе не сказал!

— Ты за других не говори, — возразил Славик. — Ведь это она все придумала.

— А я и не говорю, что не я придумала, — хмуро сказала Галка. — Пойдем в класс, чего тут стоять.

Придя в класс, ребята увидели Майю Владимировну. Она сидела за столом, перед ней лежали две стопки тетрадей.

— С физкультуры выгнали? — спросила Майя Владимировна.

— С физкультуры, — ответил Славик.

— По той же причине?

— По той же, — откровенно ответил Славик.

— Ну, а дальше что? Так и будем жить?

Никто ей не ответил.

— Трудно вам придется, ребята, — сказала Майя Владимировна.

И опять никто не ответил.

— Главное, что трудности-то все ненужные.

Юрка был согласен с Майей Владимировной. Ему даже казалось, что и Галка сейчас не стала спорить. Только у Славика был такой вид, будто он знал что-то, чего не знали другие.

— Ну что ж, молчите, если вам хочется, — сказала Майя Владимировна. — Набирайтесь терпения, молчать вам придется долго. Я сказала всем учителям, они вас спрашивать не будут. С родителями вашими я тоже поговорила. Оказывается, вы на самом деле стойкие люди.

— Когда вы говорили? — не вытерпел Юрка.

— Сегодня. Как раз твоей мамы, Юра, я не застала. Она сегодня в утреннюю смену работает.

— А с моей мамой разговаривали? — спросила Галка.

— Да.

Снова наступило молчание. Майя Владимировна взглянула на Славика, словно ожидая, что и он сейчас спросит. Но Славик ничего не спросил.

— Ну ладно, — сказала Майя Владимировна. — Вы про поход уже знаете? Вам ребята сказали?

— Нет, не говорили, — ответил Юрка.

— Позавчера было собрание, на которое вы не остались. На нем решили провести летом двухнедельный поход на лодках по Карельскому перешейку. И на том же собрании решили вас в поход не брать — всех троих.

— Это вы им так сказали? — спросил Славик.

— Нет, они сами. Я как раз посоветовала вас взять, но они не согласились.

— А мы что, хуже всех? — спросил Славик.

— Да уж не знаю, — сказала Майя Владимировна. — Вы теперь люди самостоятельные, вы сами думайте. Может быть, вы захотите отдельный поход устроить втроем, кто вас знает. Раз вы ни с кем не считаетесь, то и с вами так же.

— Ну и пускай, — ответил Славик.

— Пускай так пускай, — согласилась Майя Владимировна и, раскрыв тетрадь, уткнулась в нее.

Славик подмигнул ребятам и кивком головы показал на дверь.

— Поход какой-то придумали, — сказал Славик, когда они вышли в коридор. — Нужен нам поход! Верно? Захотим — еще не такой поход устроим!

— Какой? — спросил Юрка.

— А какой захотим!

— Ты скажи — какой?

— А хоть никакой! — заявил Славик. — Мы и без похода

проживем! Что, мы им кланяться будем: возьмите, пожалуйста, так?

— Ты лучше помолчи, Барышев! — с раздражением сказала Галка. — Никто тебя кланяться не заставляет!

— А ты чего злишься? Завидно стало?

— Ну и завидно!

— Иди тогда прощенья проси.

— Никуда я не пойду!

— Ну и правильно, — сказал Славик. — Мы им еще покажем!

— Да чего ты все — покажем, покажем! — возмутился Юрка. — Тогда показывай!

— Идем, Кабана найдем, тогда увидишь, покажу или нет.

Серегу Кабанова они нашли во время перемены в столовой. Он сидел на подоконнике и ел пирожок с творогом. Губы у Серегу были масляные, он жмурился от удовольствия и выглядел таким беззаботным, что Славiku сразу захотелось вырвать у него пирожок и ткнуть им Сереге в нос, чтобы творог размазался по лицу. Но Сереге был сильнее Славика. Поэтому Славик только презрительно сощурился и поманил его в угол.

Сереге сполз с подоконника, вытер об штаны руки и, дожевывая пирожок, пошел к ребятам.

— Чего — трое на одного? — спросил Сереге. — Я и троим врежу, не испугаюсь. Идем только отсюда, больно народу много.

— Врезал один такой, — сказал Славик. — Не бойся, мы тебя бить не будем.

Сереге заулыбался. Сама мысль о том, что его могут бить, показалась ему смешной. Конечно, четыре или пять могли бы... Но не трое! Даже — двое: Галка в расчет не шла.

— А чего тогда надо? — спросил Сереге.

— Есть один вопрос. Ты был на собрании?

— Ну, был.

— Там говорили, чтобы нас в поход не брать?

— Говорили, — ухмыльнулся Сереге.

— И ты говорил?

— И я.

— Ты?! — сказал Славик таким тоном, словно перед ним стоял не здоровенный Сергей Кабанов, а букашка, которую можно было прихлопнуть одним щелчком. — Да кто ты такой?

— А кто? — нахмурился Сереге.

— Ты же сам первый двоечник!

Лицо Серегу разгладилось. Вместо того, чтобы обидеться, он снова ухмыльнулся и победоносно оглядел всех троих.

— Ну и что? — сказал он. — Двойки — совсем другое дело. С двойками вас бы тоже взяли. Двойки тут ни при чем.

— При чем, — сказал Славик. — Тебя из класса больше всех выгоняют. Не тебе про нас говорить. Ты сам хуже всех!

— Да уж не хуже вас, — спокойно сказал Серега. — Даже в десять раз лучше.

В тоне, каким говорил Серега, чувствовалась уверенность и превосходство.

— Почему это ты лучше? Докажи, — Славик обернулся к Галке и Юрке, будто приглашал их поглядеть, какая сейчас начнется потеха.

Но Серега ничуть не смутился.

— В походе надо самим готовить — раз! Дрова для костра собирать — два! Помогать друг другу — три! А если кто ногу сломает, его, может, на руках придется нести... А вы для этого дела не годитесь. Понял? В школе — одно дело, а там другое...

— А ты годишься? — ехидно спросил Славик.

— А я гожусь, — уверенно ответил Серега. — Я ни от чего не отказываюсь. А вы, может, и там будете отказываться. За вас работать — дураков нет. Кто-нибудь тонуть будет, а вы и спасать не пойдете.

— Да мы бы еще скорей тебя спасли!

— Докажи!

— Тут и доказывать нечего, и так ясно, что ты двоечник!

— Я двоечник, — согласился Серега. — Только меня взяли, а вас нет.

— Да нас еще вперед тебя возьмут! Только мы сами не хотим!

Серега только ухмыльнулся в ответ. По лицам Юрки и Галки было видно, что им не очень-то нравится вся эта история.

— Тогда чего разговаривать, — сказал Серега, злорадно улыбаясь. — Все ясно. Мы так и знали, что вы не захотите. Привет.

Серега отодвинул Славика рукой и направился к двери, нахально раскачиваясь на ходу. Славик, зло стиснув зубы, смотрел ему вслед. Потом Славик схватил автомат и длинной очередью прошелся поперек Серегиной спины. Серега упал. Славик отшвырнул автомат и, не глядя на остолбеневших ребят, спокойно прошел мимо неподвижного Сереги и скрылся за дверью. Так поступил Славик мысленно. На самом же деле он остался на месте и услышал огорченный вздох Юрки и слова Галки Сафоновой.

— Ну и не надо, — сказала Галка, но в голосе ее почему-то слышались слезы.

Возвращаясь домой из школы, Славик готовился к бою. Он не знал, о чем Майя Владимировна говорила с его родителями, но, конечно, ничего хорошего она не сказала. Теперь к домашним провинностям прибавятся еще и школьные. Дома разразится настоящая буря. Снова будет рычать папа. Снова мама размеренным и спокойным голосом будет вбивать в голову Славика правила поведения. На этот раз придется потруднее. Но он выдержит все и не отступит. Героями не рождаются. Ими становятся в борьбе.

Так думал Славик.

Но ничего этого не случилось.

— Пришел? — сказала мама. — Вот и хорошо, мы тебя давно уже ждем.

«Сейчас начнется», — подумал Славик и взглянул на папу, потому что тот всегда начинал рычать первым. Но вид у папы был не серьезный, а скорее озабоченный.

— Давай поторапливаться, — сказал папа маме.

— Мы уезжаем, — сказал папа Славику, — дней на десять. Как ты на это смотришь?

Славик никак не смотрел. Еще вчера ни о каком отъезде не было и речи.

— Просто так. Прогуляться. Проветриться. Отдохнуть от забот. Надоело работать, — сообщил папа, заметив недоуменный взгляд Славика.

— Разве у тебя отпуск? — спросил Славик.

— Какой там отпуск! — воскликнул папа. — У нас с мамой отпуск летом. Мы уезжаем потому, что нам так захотелось. Разве не могут люди поступать так, как им хочется?

Только сейчас Славик заметил два чемодана, стоящие на полу в передней.

Папа подхватил чемоданы и, кивнув Славику, вышел на лестницу.

— Поторопись, пожалуйста, — крикнул он маме. — У нас еще столько дел до отъезда.

Мама позвала Славика на кухню.

— Вот тебе деньги, — сказала она, раскладывая на столе рублевки. — Можешь ходить в столовую в нашем доме, а можешь в любую другую, — как хочешь. Можешь купить на все деньги мороженого, можешь папирос — твое дело...

— А я никогда не курю, — мрачно сказал Славик.

— Это тоже твое дело. Поступай, как знаешь. До свиданья, — сказала мама и ушла.

Все произошло так быстро, что Славик так и не понял,

куда они уезжают, зачем уезжают и что вообще все это значит. С одной стороны, иметь деньги и полную свободу не так уж и плохо. С другой — родители не имеют права бросать своих детей и уезжать так внезапно. Деньги — это одно дело, а живой человек — совсем другое.

Размышления Славика прервал телефонный звонок. Спрашивали маму.

- Она уехала, — ответил Славик.
- Как уехала? У нее сегодня родительское собрание.
- Она уехала, — повторил Славик. — На десять дней.
- Куда?
- Не знаю.
- Простите, с кем я говорю?
- Это ее сын.
- Как же ты не знаешь, куда уехала твоя мама! Может быть, ты вовсе не сын, а посторонний?
- Я не посторонний, — обиделся Славик.
- Тогда ты должен знать, почему твоя мама уехала.
- Ей так захотелось, — сказал Славик, вспомнив папины наставления.

- Что значит захотелось?! У нее же уроки!
- Я ничего не знаю, — сказал Славик.
- Да, это чувствуется, — сказали на другом конце провода и повесили трубку.

Не успел Славик отойти, как телефон зазвонил снова.

- Слава, это ты? — услышал Славик папин голос. — Понимаешь, в чем дело, мы забыли билеты...

— Тут маме звонили, — сказал Славик. — У нее сегодня родительское собрание.

— Это неважно, — отмахнулся папа. — Маме давно уже надоели эти собрания, она не хочет на них ходить. Ты лучше поищи билеты, я обожду у телефона.

Славик положил трубку на стол и направился в кухню. Деньги лежали на прежнем месте, билетов не было. Не оказалось их и в комнате на письменном столе и в другой комнате — на обеденном. Славик вернулся к телефону.

- Нигде нет.
- Посмотри как следует.
- Славик осмотрел подоконники, буфет, залез под кровать, под тахту, обшарил ванную.
- Не нашел.
- Посмотри в моем коричневом костюме.

Славик достал из пиджака два картонных прямоугольника.

- Нашел, — сказал он в трубку. — Что же ты сразу не сказал?

— Я и сам забыл, — ответил папа. — Забегался. Ты понимаешь, у нас еще столько дел... Мы не успеем заехать домой. Привези билеты в телецентр, я сейчас там. Доезжай на метро до площади, дальше — на автобусе. Да ты знаешь. Только поторопись.

Папа повесил трубку.

Телецентр находился в другом конце города. Славик добрался туда только через час. Он думал, что папа будет ждать его на улице, но перед зданием телецентра никого не было.

С трудом Славик открыл тяжелую дверь. Он протиснулся в щель; дверь поддала его сзади, и Славик очутился перед столом вахтера.

— Ты к кому, мальчик? — спросил вахтер.

— Я к папе.

— Пропуск есть?

— Нету.

— Без пропуска не разрешается.

— Но мне очень нужно. Папа забыл билеты на поезд, он просил привезти.

— Это не мое дело, кто что забыл, — строго сказал вахтер. — Без пропуска нельзя.

— Да вы, наверное, знаете моего папу. Он здесь работает, он диктор.

— Фамилия?

— Барышев.

— Товарища Барышева я знаю.

А тебя не знаю и не пущу.

— Он же опоздает на поезд.

— А мне какое дело, — сказал вахтер и отвернулся.

Славик, насупившись, смотрел на вахтера. В эту минуту Славик проклинал его и удивлялся тому, как такие бессовестные люди могут жить на земле. Неужели непонятно, что из-за этого глупого упрямства пропадут билеты и папа с мамой никуда не смогут уехать!

Но вахтеру, кажется, было ничего не понятно. Он стоял отвернувшись, не желая ничего ни слушать, ни отвечать, ни вникать в чужие заботы.

— Тогда вы передайте ему, пожалуйста, билеты, — попросил Славик,

стараясь говорить самым вежливым голосом, на который был способен.

— Ничего я передавать не буду.

— Разве вам трудно передать? — спросил Славик, растрчивая последние крупички вежливости.

— Не трудно, — равнодушно сказал вахтер. — Просто не хочу.

Терпение Славика кончилось. Мгновенным и точным движением он выхватил из кобуры вахтера пистолет и крикнул:

— Руки вверх!

Вахтер побледнел и медленно поднял руки, с ужасом тараща глаза на Славика.

— В угол! — приказал Славик.

Вахтер попятился и забился в дальний угол.

— С места не сходить! — сказал Славик и бросился наверх по широкой лестнице. За спиной он услышал крик вахтера и еще какие-то крики. Славик бежал по длинному коридору, а из боковых дверей выскакивали люди, пытаясь преградить ему дорогу. Славик направлял на них пистолет, и люди исчезали мгновенно, словно куклы за ширмой.

В конце коридора Славик увидел папу. Славик отдал ему билеты, развернулся, проделал тот же путь и, швырнув пистолет вахтеру, выскочил на улицу.

Но это все было мысленно. А на самом деле Славик потоптался на месте, повернулся и протиснулся в дверь, которая тут же захлопнулась.

В растерянности стоял Славик на широкой площадке перед дверью, зажав в кулаке билеты. Поведение вахтера было непонятно и мерзко. Вахтер был враг, и с ним следовало поступить как с врагом, но Славик понимал, что это ему не по силам, и ему было горько от своей беспомощности.

В эту минуту распахнулась дверь, и враг появился на площадке.

— А вообще-то Барышев уже уехал, — сказал он. — Был и уехал. Велел тебе записку передать, если придешь.

На бумажке, которую враг протянул Славiku, было написано:

«Славик, мы с мамой не могли тебя дожидаться, времени мало, а нам еще надо заехать к дядя Мише. Привези билеты к дяде Мише. Папа».

— Чего же вы сразу не сказали?!

— А не хотел, — равнодушно ответил вахтер. — Хочу — говорю, не хочу — не говорю. Ясно?

Славiku ясно было только одно: времени терять нельзя.

Он бросился вниз по ступеням. Всю дорогу до автобусной остановки Славик бежал и на бегу придумывал, как он пожалуется на вахтера папе, а тот выгонит вахтера с работы.

Между тем, как только Славик повернулся к вахтеру спиной, лицо того утратило равнодушное выражение. На губах его появилась не улыбка, нет — вахтеры никогда не улыбаются на работе, — но нечто вроде одной десятой улыбки скользнуло по его губам, а для вахтеров это равносильно безудержному хохоту. Он покачал головой, сказал: «Беда с ними, с теперешними детьми», — и скрылся за дверью.

Дядя Миша жил довольно далеко от телецентра. Два автобуса, метро и трамвай — вот сколько было до дяди Миши. Славик не знал, когда уходит поезд, потому торопился изо всех сил.

После звонка дверь долго не открывалась. Кто-то копшился за ней, кашлял, гремел замками. Наконец дверь отворилась, и дядя Миша возник на пороге.

— Папа у вас? — отдуваясь, спросил Славик.

— Здравствуй, Слава, — сказал дядя Миша, давая тем самым понять, что люди сначала здороваются, а уж потом задают вопросы.

— Здравствуйте. Папа мой здесь? — повторил Славик, нетерпеливо переступая с ноги на ногу.

— Да ты заходи, заходи, — пригласил дядя Миша. — Раздевайся, поговорим.

— Мне некогда. Папа у вас?

— А зачем тебе папа?

— Он забыл билеты.

— Какие билеты?

— На поезд.

— На какой поезд?

Славик протянул дяде Мише билеты.

— Действительно, билеты... — задумчиво сказал дядя Миша, разглядывая картонные прямоугольники. — И действительно, на поезд...

— Так папа у вас? — в четвертый раз спросил Славик, нетерпеливо переступая с ноги на ногу.

— У кого, у меня? — переспросил дядя Миша.

— Ну да, у вас? — нервничая все больше, сказал Славик.

— Да как сказать... — задумчиво протянул дядя Миша. — Он здесь был, но ушел.

— Тогда зачем вы меня все время спрашиваете! — разозлился Славик. — Сказали бы сразу!

— Такой уж у меня характер, — вздохнул дядя Миша. — Привык жить не торопясь. Врачам, Слава, торопиться нельзя. А я врач, и тебе это известно...

Да, Славику известно, что дядя Миша врач. Сейчас Славику нужно было узнать совсем другое.

— Куда они поехали?

— Кто?

— Папа и мама.

— Ах так, значит, мама еще с папой? — удивился дядя Миша.

— С папой... — сквозь зубы сказал Славик.

— С чьим папой?

— С моим, — ответил Славик, схватил дядю Мишу за ноги и выбросил его сквозь окно прямо на асфальтовую мостовую.

Но, упав с четвертого этажа, дядя Миша не получил даже маленькой царапины. Он по-прежнему стоял перед Славикум и улыбался ему вполне добродушно, как старому знакомому.

— Да, они в самом деле были вместе, — сообщил дядя Миша. — Очень жалко, что ты их не застал. Что же теперь делать?

— Вы знаете, куда они поехали?

— Я? — спросил дядя Миша.

После этого вопроса Славику снова захотелось выбросить дядю Мишу в окно. Он никак не мог понять, почему тот упрямится и не хочет прямо и ясно ответить, куда уехали папа с мамой. Ведь время идет. Поезд ждать не будет.

— Куда они поехали? — повторил Славик.

— Куда поехали... — раздумывая, повторил дядя Миша. — Так... Значит, они просили тебе передать, что поехали к Майе Владимировне... Значит... Они поехали к Майе Владимировне! — радостно сообщил дядя Миша. — Мне, конечно, нужно было бы тебе сказать об этом сразу, но я не люблю торопиться. Так мне больше нравится. А я привык жить так, как мне нравится.

— А теперь они из-за вас опоздают!

— Ну, это уже не важно. Важно то, что я поступаю, как мне нравится.

Выйдя от дяди Миши, Славик остановился возле парадной, раздумывая, как ему теперь добираться до Майи Владимировны. Вся эта история с билетами начинала казаться ему подозрительной. Зачем родителям ехать к Майе Владимировне, если она только сегодня была у них? Почему маме и папе понадобилось срочно уехать? Нет, все это неспроста. Меньше всего Славику хотелось видеть сейчас Майю Владимировну. Может быть, он и не поехал бы к ней, если бы не билеты. Но к билетам Славик, как и все остальные люди, относился с большим почтением. Эти маленькие кусочки картона имеют над людьми непонятную и великую власть. Люди уважают их и боятся. «А мы не забыли билеты?» — это дома. «А ты не оставил билеты?» — это на вокзале. «Граждане провожающие, проверьте, не остались ли у вас билеты отъезжающих!» — это голос из репродуктора на перроне. Билеты... Билеты! БИЛЕТЫ!!! Можно потерять чемодан, шляпу или даже пальто... Билеты терять нельзя! Это же БИЛЕТЫ! И глубоко ошибаются те, кто думает, что билеты служат людям. Нет, все как раз наоборот. Билет и без пассажира — билет, но пассажир без билета уже не пассажир. Он неведомо что. Потому-то и относятся к билетам так бережно и почтительно. Потому и хранят их, как Кощееву смерть, за семью замками: кладут билеты в паспорт, а паспорт — во внутренний карман, а карман застегивают на пуговицу и зашпиливают булавкой. Ведь это же БИЛЕТ!

А билеты были у Славика.

И Славик направился к Майе Владимировне.

— А-а, Барышев, — сказала Майя Владимировна, открывая дверь, — я догадываюсь, зачем ты пришел. Ты ищешь родителей?

Славик вздохнул с облегчением. Наконец-то встретился человек, который понял все сразу и не стал задавать ненужных вопросов. Майя Владимировна оказалась лучше, чем думал о ней Славик

— Ага, — ответил Славик, — они забыли билеты. Они у вас?

— Нет. Они только что были и ушли.

— Опять ушли! — возмутился Славик. — Что они — нарочно? Не буду я их больше искать.

— Это твое дело, — сказала Майя Владимировна. — Ты ведь теперь поступаешь только так, как тебе хочется.

Только сейчас почувствовал Славик, как он устал. Устал не от того, что много ходил и ездил, а от бесполезности всех его стараний. Ему хотелось бросить все и уйти. Но билеты...

Билеты шевелились в его кармане, они требовали, они просто кричали о том, что их ждут сейчас на каком-то вокзале. Славик не боялся ни отца, ни матери, не боялся даже Майи Владимировны, но билеты оказались сильнее его.

— А вы не знаете, куда они поехали? — спросил Славик.

— Знаю.

— Скажите, пожалуйста.

— Не скажу.

Славик даже попятился от удивления. Что это еще за фокусы? Если бы так ответила какая-нибудь девчонка, тогда понятно: девчонки любят иногда покапризничать. Особенно если от них зависишь. Но какие капризы могут быть у учителей? Учителя должны быть выдержанными. Они как раз и созданы для того, чтобы спокойно переносить чужие капризы. Они не имеют права злиться, обижаться, кричать на детей. Их дело — железная выдержка и справедливость. За это им дано право ставить двойки и выгонять из класса. Хватит с них и этого. А слова «не скажу», «не могу», «не хочу» — слова совсем не учительские. Майя Владимировна не имеет права на такие слова.

— Да, да, не скажу, — повторила Майя Владимировна, заметив удивление Славика. — Ты уж меня лучше не спрашивай.

И снова — в четвертый раз за сегодняшний день — Славик почувствовал, что не может простить такого к себе отношения. Он вынул из кармана небольшую мину и положил ее на столик, стоявший в передней. Майя Владимировна побледнела. Ноги ее подкосились, и она села на пол. Дрожащим голосом она стала лепетать какие-то извинения, но Славик ее не слушал. Мина должна была взорваться через десять секунд. У Славика только-только хватило времени, чтобы выйти из квартиры.

И он вышел. И Майя Владимировна закрыла за ним дверь, сказав ему вслед «до свиданья». Тем самым она давала понять, что люди сначала прощаются, а потом уже уходят. Несмотря на мину, Славик не хотел ссориться до конца, потому что с Майей Владимировной ему придется встретиться еще не один раз. Он тоже сказал «до свидания».

Снова Славик стоял у парадной, снова думал, что же он еще может сделать, но на этот раз ничто не могло помочь, потому что след родителей оборвался в квартире Майи Владимировны.

Славик перешел на другую сторону улицы и побрел к дому.

Прежде чем зайти в парадную, он посмотрел на окна своей квартиры.

Там горел свет.

— Вот он! — зарычал папа, открывая дверь. — Из-за него мы не смогли уехать. Ты где пропадал?

Папины слова были по крайней мере несправедливы. Не для того Славик носился по городу как угорелый и выслушивал всякие глупости, чтобы его ещё за это ругали. Славик старался честно. Он не виноват, что ему все время мешали.

— Они все с ума, наверное, сошли, а я виноват? Всегда я виноват, да? Не знаешь ничего, а кричишь, — сказал Славик.

— Кто с ума сошел?

— Вахтер, которому ты записку оставил.

— По-моему, он вполне нормальный, я давно его знаю.

— Ничего ты не знаешь, — сказал Славик. — Он мне даже не сказал сразу, что вы уехали. И записку отдал, может, через полчаса.

— Чепуха какая-то! — папа пожал плечами. — Почему же он сразу не сказал?

— Он говорит: не хотел — и все.

— А-а-а... — протянул папа. — Тогда понятно. Раз не хотел, тогда ничего не поделаешь. Он у нас такой: хочет — сделает, не хочет — нет. По-моему, это нормально, как ты считаешь? — папа повернулся к маме.

— Совершенно справедливо, — подтвердила мама. — Как раз тебе, Вячеслав, это должно быть понятно.

— Но ты все же прочитал записку? — спросил папа.

— Прочитал.

— Почему же ты не приехал к дядя Мише?

— Я приехал, а вы уже уехали.

— Мы уехали потому, что не могли тебя дожидаться. А нам еще надо было повидать Майю Владимировну. Почему ты сразу же не поехал за нами?

— Он меня все время спрашивал: чей папа? чья мама? А сам не говорил, куда вы уехали.

— Да, дядя Миша тоже любит поступать по-своему. Это вполне могло случиться.

То, о чем Славик начал догадываться после разговора с дядей Мишей, стало теперь для него совершенно ясно: никуда родители уезжать не собирались. Все это было придумано для воспитания. Все отвечали Славику так, как отвечал он папе и маме.

— Ты думаешь, я не понимаю? — сказал Славик. — Я понимаю — вы все нарочно придумали. Вы просто договорились.

Я знаю, раньше Майя Владимировна мне бы никогда так отвечать не стала.

— Когда «раньше», Слава? — спросила мама.

— Ну, раньше...

— Раньше чего?

— Ты сама знаешь.

— Гм, — сказал папа. — У нашего сына есть, по крайней мере, одно положительное качество: он не дурак. Это обнадеживает.

— И где билеты, ты специально не говорил! — торжествуя, сказал Славик.

— Гм, — опять сказал папа, — тебе, кажется, понравилась эта игра? Не беспокойся, теперь мы каждый день будем играть в такие игры. Посмотрим, кому раньше надоест. Если уж хочешь знать до конца, то знай, что билеты эти никуда не годятся. Они старые. Но это еще цветочки. Ягодки будут дальше. Мы с мамой еще не такие штуки начнем выкидывать.

— А я теперь билеты не повезу, — сказал Славик.

— При чем тут билеты! — воскликнул папа. — Можно придумать что-нибудь поинтереснее.

— По-моему, с него на сегодня достаточно, — сказала мама. — Иди спать, Вячеслав.

Славик собирался было по привычке сказать «не пойду», но спать ему так хотелось, что сопротивляться было глупо. Он добрел до кровати, разделся, залез под одеяло, и сразу комната затуманилась и начала плавно кружиться перед его глазами.

Последнее, что еще успел расслышать Славик, были слова, донесшиеся из коридора.

— Кажется, мы чего-то не додумали, — сказал папа.

— Можешь меня не примешивать, — ответила мама. — Это все твои выдумки.

— Ничего, я еще кое-что придумал, — сказал папа. — Пойдем на кухню.

Славик сонно подумал, что надо бы встать и подслушать, о чем они будут разговаривать на кухне, но он был не в силах не только встать, но даже пошевелиться. В следующую секунду перед его глазами почему-то возник трамвай, который бесшумно катился по рельсам прямо на него. Славик пытался бежать, но ноги его скользили по земле, не находя опоры, а водитель, похожий на дядю Мишу, кричал: «Не хочу!» — и направлял трамвай прямо на Славика.

После разговора с Серегой Кабановым Галка на следующий урок не пошла. Еще до звонка она собрала свои вещи и ушла из школы. Она обиделась. Но виноват был вовсе не Серега. Он двоечник и нахал — с него спросу нет. Галка обиделась на всех остальных ребят. Как раз те, кто восхищался ее, Юркиной и Славкиной храбростью, кто охотно хихикал и тем самым подзадоривал их на дальнейшие подвиги, исключили ее из похода. Ведь не в походе даже и дело. Получалось так, будто она хуже всех и даже Серега — двоечник и нахал — имеет право над ней смеяться.

Галка брела по залитой солнцем улице, навстречу ей шли веселые, беззаботные люди, но это все были чужие люди, а Галке сейчас нужен был друг.

Друг — это человек, который всегда с тобой заодно. Он поступает так же, как ты, и потому ты всегда можешь считать себя правым в своих поступках. Такого человека у Галки не было. Славик и Юрка в счет не шли, они были не друзья, а сообщники. Оставалась мама. Но мама сейчас никак не годилась в друзья.

Как и положено в таких случаях, Галка подумала о том, что неплохо было бы уехать на край света и там как-нибудь прославиться. Она представляла себе, что вернется через год и пройдет по улицам в унтах и меховой летной куртке, как у папы. Почему в унтах и куртке — она и сама не знала. Как-то уж так повелось, что в меховых одеяниях есть что-то героическое.

Галка подошла к двери, достала ключ и вдруг совершенно отчетливо представила себе, что сейчас навстречу ей, как раньше, выйдет в коридор мама, возьмет у нее портфель, улыбнется, и от этого все станет по-прежнему. Галка нарочно долго клацала ключом в скважине, но когда она открыла дверь, в коридоре никого не было.

Мама лежала в постели в своей комнате. Она не повернула головы к дочери, только покосилась в ее сторону.

— Ты заболела?

— Немного, — сказала мама. — Доктор велел лежать.

— У тебя даже доктор был?

— Был.

— А что он сказал?

— То, что обычно, — с неохотой сказала мама.

— А где папа?

— Его вызвали. Возможно, ему сегодня придется лететь.

Галка переступила с ноги на ногу. Она не знала, как себя вести.

— Тебе что-нибудь нужно? — спросила Галка.

— Нет, спасибо, — мамино «спасибо» прозвучало так, будто Галка уступила ей место в трамвае.

— Может быть, сходить за лекарством?

— У меня все есть, — сказала мама. — Если ты захочешь кушать, посмотри на кухне. Сегодня я не смогла ничего приготовить.

Мамины слова звучали спокойно и ровно, будто говорящие часы. Она лежала неподвижно и смотрела не на Галку, а в потолок. Мама была как кукла, и это мешало Галке подойти к ней.

Галка повернулась и пошла к двери. Сама того не замечая, она шла на цыпочках.

— Галя... — позвала мама.

Галка с готовностью обернулась.

— У нас сегодня была Майя Владимировна...

— Я знаю, она мне говорила.

— Ну и прекрасно, — сказала мама и закрыла глаза.

Галка постояла немного и вышла, прикрыв за собой дверь неплотно, чтобы было слышно, если позовет мама. На кухне стояли остатки вчерашнего обеда. Галка поковырялась вилкой в салате. Есть ей не хотелось.

В квартире стояла недобрая тишина. За стеной глухо бубнило соседское радио. На подоконник шлепнулся и засеменил лапками по железу жирный голубь. Он был отвратительно беззаботен, и Галка посмотрела на него с неприязнью.

Галка потихоньку подошла к маминей двери и заглянула в щелку. Мама лежала в той же позе и смотрела в потолок. Губы ее шевелились, будто она подсчитывала что-то про себя.

Галка не решилась войти к ней и снова ушла на кухню. Она постаралась придумать, что бы такое сделать для мамы, отчего она улыбнется и заговорит своим голосом, но в голову Галке почему-то лезли всякие дурацкие мысли, вроде: надеть новогоднюю маску или подползти к кровати на четвереньках, а толкового ничего не придумывалось.

Взгляд Галки остановился на банке с кофе, стоявшей на столе. Пожалуй, это было то, что нужно. Она сварит маме кофе, принесет и поставит на стул перед кроватью. Она делает это молча, как будто ничего не случилось, а просто она ухаживает за больным человеком.

Галка налила воды в кофейник, насыпала туда кофе и по-

ставила на огонь. Затем она достала чистый стакан, положила в него сахар и принялась ждать, когда кофе вскипит. Тут же она вспомнила, что если делать все по правилам, то надо вскипятить и молоко. Она налила молоко в кастрюлю и включила вторую горелку. К тому времени кофейник начал тихо потрескивать, и Галка встала возле него в полной боевой готовности. Кофейник разговаривал все громче. Галка не спускала с него глаз, зная вздорный характер кофе.

Но первым все же взбунтовалось молоко. Оно вымахнуло из кастрюли белой, пузырящейся шапкой. Услышав шипенье, Галка повернулась к кастрюле и стала дуть на молоко, но шапка росла все быстрее, и, прежде чем Галка догадалась выключить горелку, вокруг кастрюли образовалось белое облако. Галка повернула кран, и облако медленно стало оседать на плиту, вновь превращаясь в обыкновенное молоко. Сладко запахло горелым. Галка кинулась за тряпкой. Но кофе тоже не дремало. Из кофейника, подняв крышку, выплеснулось коричневое облако. Галка бросилась к кофейнику. Ручка оказалась горячей. Галка отдернула руку. Кофейник повалился набок. На полу рядом с белой лужей образовалась черная. Одной ногой Галка стояла в белой луже, другой в черной, и слезы, накопленные за день, текли по ее лицу.

— Галя, — послышался мамин голос.

Галка медленно пошла в мамину комнату и остановилась на пороге.

— Что там происходит? — спросила мама.

— Я хотела... хотела... — проговорила Галка, — хотела тебе кофе...

— Иди сюда. Садись, — сказала мама.

Галка присела на край кровати.

— Убежало? — спросила мама.

— Д-да... — всхлипывая, ответила Галка.

— Ну и пусть бежит, — сказала мама, улыбнулась и тоже заплакала.

СПАСЕНИЕ ПОГИБАЮЩИХ

Юрка пришел в садик задолго до пяти часов. Вячеслава Андреевича еще не было. Юрка посидел на скамейке минут пять, но ему показалось, что прошел целый час. Он побежал к выходу — взглянуть на часы, висевшие на другой стороне улицы. Одна сторона часов показывала четыре, другая — пять. Конечно, Юрка немедленно решил, что правильная сторона вторая. Он помчался обратно.

У скамьи по-прежнему никого не было. Юрка уселся на нее с твердым намерением не сходить с места, чтобы не пропустить Вячеслава Андреевича. Но сидеть спокойно было просто невозможно. Через несколько минут Юрка снова был у выхода.

Так он бегал почти целый час.

Вячеслав Андреевич пришел ровно в пять.

— Ну, как дела? — спросил Вячеслав Андреевич. — Опять дома не ночевал?

— Опять. Я уже думал, что вы не придете.

— Напрасно думал.

— Я очень боялся, что вы не придете. Теперь только вы можете меня спасти.

— Спасают погибающих, — улыбнулся Вячеслав Андреевич. — А ты еще не совсем погиб. Я договорился насчет приемника и пылесоса. Часы, извини, починить они не берутся.

— Да часы и не надо, — сказал Юрка, холодея от счастья.

— Ну что ж, тогда пойдем забирать твои игрушки. Радость Юркина сразу уменьшилась наполовину. Он помрачнел.

— Ты чего? — спросил Вячеслав Андреевич.

— Домой идти боюсь. Там мама.

— Так ведь все равно придется.

— Придется. . . — вздохнул Юрка. — Я даже не знаю, что мне теперь будет.

— Идем, идем, со мной тебе полегче будет, все-таки — посторонний человек. . .

— Нет, не легче. Она не любит, когда посторонние вмешиваются. Еще, может, и вам попадет.

— Ну что ж, — сказал Вячеслав Андреевич, — будем бороться до конца. Вперед!

Мать открыла дверь. Увидев Вячеслава Андреевича, молча посторонилась. Юрка боком прошел в переднюю. Вслед за

ним вошел Вячеслав Андреевич с видом смущенным, как будто и он был в чем-то виноват.

— Здравствуйте, — сказал Вячеслав Андреевич.

— Здравствуйте, — сказала мама, искоса оглядела гостя, и тут же на ум ей пришло вполне законное подозрение.

— Жаловаться пришли? — спросила она. — Жалуйтесь. Только я ничего слушать не хочу. Забирайте его! Делайте с ним что хотите! У меня больше на него сил нет.

— Мама, — сказал Юрка голосом самым тонким, каким только мог, — это Вячеслав Андреевич. Он приемник починит...

Мать повернулась к Юрке и закричала:

— Так ты еще мастера привел! Ты зачем мастера привел? Где я тебе деньги возьму на мастера?

— Я не мастер, — сказал Вячеслав Андреевич, — я — учитель. Вернее, почти учитель.

На слово «почти» мать не обратила внимания. Она твердо знала, что учитель напрасно в дом не придет. Еще ни один учитель не принес в ее дом доброго известия. Все приходили жаловаться на Юрку и просили «принять меры».

— Все равно, хоть и учитель, — заявила мать, — я больше с ним никаких дел иметь не хочу. Пусть идет куда хочет, делает что хочет! Или забирайте его в интернат, или в тюрьму — куда хотите. Мне до него дела нет.

— Я вас понимаю, — сказал Вячеслав Андреевич. — Вы сейчас расстроены и говорите сгоряча. Не думаю, чтобы вы на самом деле хотели отдать его в интернат.

— А хоть бы и сгоряча! — вскинулась мать. — Вам что за дело! Вы их учите, а меня уже выучили!

Юрка видел, что мать находится в состоянии, малоприспособном для мирных переговоров. Сейчас она будет кричать, что ей все равно, а вечером начнет плакать, жалея себя и людей, которых напрасно обидела. Он боялся, что Вячеслав Андреевич уйдет. Раз он пришел помочь, то вовсе не обязан выслушивать всякие лишние слова.

А мать продолжала атаковать Вячеслава Андреевича:

— Если вы учитель, то учите его, чтобы он мать слушал! По чужим домам не ночевал! Жаловаться все могут, а что с этого толку! Вы мне на него жалуетесь, а я кому буду — господу богу?

Вид у Вячеслава Андреевича становился понемногу все более унылым. Так же, как и тогда в классе, он ждал, казалось, звонка, чтобы отступить с честью. Мать заметила его смущение. Это смягчило ее. Голос ее звучал потише. Вместо

того, чтобы ударить напоследок из всех орудий, она сказала с некоторым даже удовлетворением:

— Вот так-то! А вы говорите...

Вячеслав Андреевич стоял оглушенный.

— Да я ничего и не говорю, — сказал он наконец, — я тут ни при чем. Вы меня не так поняли. Мы с вашим сыном встретились случайно. Он мне рассказал, что у вас тут несчастье случилось: приемник сломался и прочее. Вот я и решил помочь.

— Чего-то мне непонятно, — мама подозрительно взглянула на Вячеслава Андреевича. — Вы — учитель или просто подработать пришли?

— Мама, ты ничёго не понимаешь! — завопил Юрка. — Он все бесплатно починит!

Юрка думал, что мама теперь-то уж все поймет и обрадуется. Но ведь известно: никогда нельзя знать, чего ждать от родителей. Все вышло как раз наоборот. Мать насупилась, лицо ее стало отчужденным и строптивым.

— С чего это — бесплатно? — сухо спросила она. — За какие такие наши заслуги? Вроде милостыни, что ли? Нам милостыней не надо.

Вячеслав Андреевич беспомощно взглянул на Юрку. Юрка страдальчески сморщил лицо. Всем видом своим он умолял Вячеслава Андреевича потерпеть еще немного. Мать заметила этот молчаливый разговор. Наверное, она поняла, что между гостем и ее сыном есть что-то такое, чего она еще не знает.

— Да вы проходите в комнату, — неожиданно сказала она. — Что в коридоре стоять. Извините только — у нас не прибрано.

— Ничего, ничего, это неважно, — торопливо ответил Вячеслав Андреевич.

Мама усадила гостя за стол и сама села напротив. Юрка на всякий случай устроился ближе к двери.

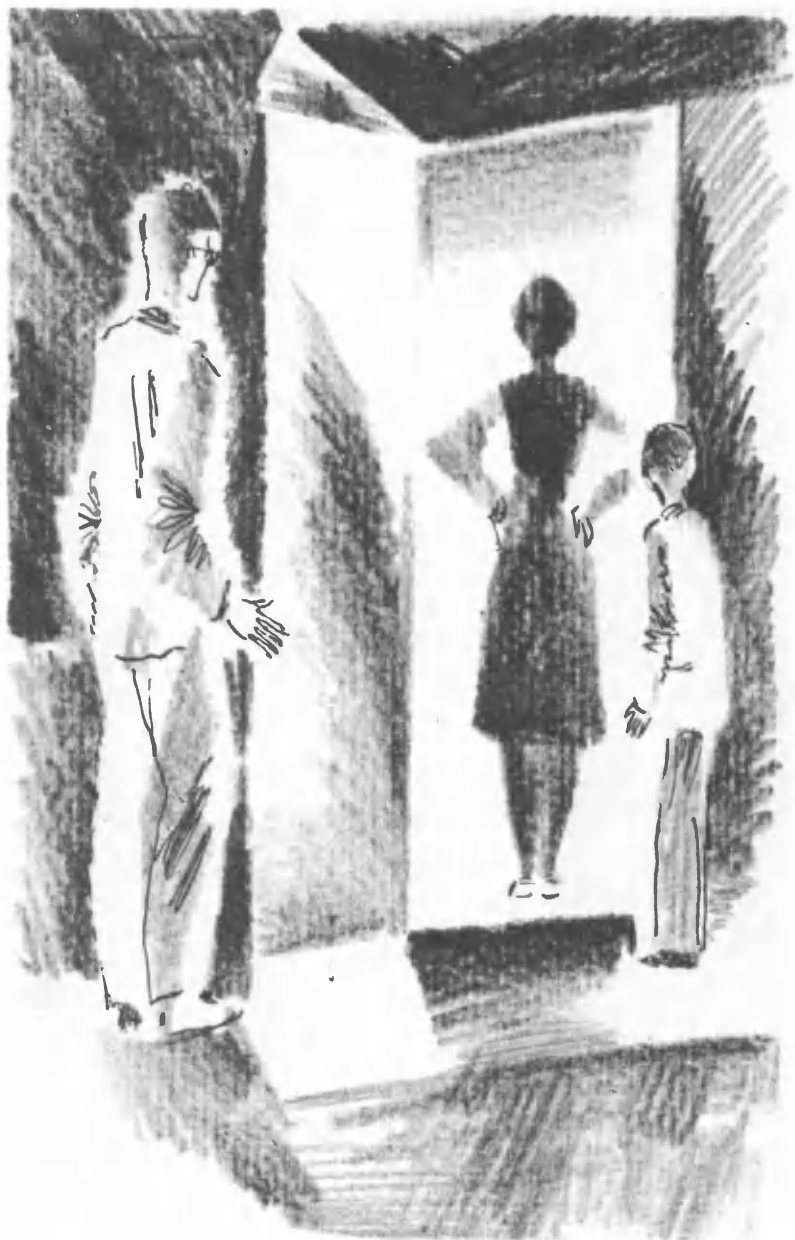
— Вы извините, — сказала мама, все более успокаиваясь, — у нас только две женщины живут — я да соседка. А тут, бывает, цыгане ходят. Так мы не каждому открываем.

Вячеслав Андреевич заерзал на стуле. Видно, сравнение с цыганом ему не понравилось.

— Мама! — трагическим шепотом зашипел из своего угла Юрка.

— Да я не про него, — сказала мама. — Он на цыгана не похож. Они черные.

Наступило молчание. Искусством беседы с гостями Юркина мама не владела.

— Видите ли, — проговорил наконец Вячеслав Андреевич, — мы с вашим сыном знакомы недавно. Я еще не учитель, я сам учусь на пятом курсе. Но я был у них в классе на практике. А потом мы с ним случайно встретились на улице, и он мне рассказал, что у вас кое-что поломалось...

— Ничего себе кое-что! — сказала мама, грозно глядя на Юрку. — И как понимать — поломалось? Само, что ли? Он об этом говорил?

— Да, да, — торопливо сказал Вячеслав Андреевич, — он сказал, что сам и все прочее... И говорил, что не нарочно...

— У них нарочно от нечаянно не отличишь!

— Пожалуй, — согласился Вячеслав Андреевич, понимая, что чем меньше он будет спорить с Юркиной мамой, тем лучше будет для общего дела.

— Так вы, значит, решили за него заступиться?

— Не совсем так. Просто я имею возможность отремонтировать эти вещи.

— Я понимаю, — вздохнула мама, — на учебу тоже деньги нужны. Днем небось учитесь, а вечером подрабатываете? Только у меня сейчас денег нет.

— Мне денег не нужно.

— А мне бесплатно не нужно. — Лицо матери приняло обиженное выражение. — За всякий труд нужно платить. С какой стати вы будете себя обижать?

— Я не сам, знакомые сделают.

— А хоть бы и знакомые, — упорствовала мама. — Они-то с какой стати будут надсаживаться?

— Они не будут надсаживаться, — терпеливо разъяснял Вячеслав Андреевич, удивляясь, что нужно затратить столько усилий, чтобы сделать добро людям. — Я попрошу, и они сделают для меня.

— Они — для вас, а почему?

— Да просто так, — сказал Вячеслав Андреевич с легким раздражением. — Разве вы никому не помогаете? Например, своим товарищам по работе?

— Конечно, — согласилась мама. — И подменяю, если нужно, и еще... Только мы ведь вместе работаем... А вам чем же уж мы так понравились?

— Да просто так, — сказал Вячеслав Андреевич с еще большим раздражением. — Мы поговорили с Юрой, по моему, он неплохой парень. Почему же не помочь человеку, если можно.

— Да уж мой Юра не хуже других, — неожиданно согла-

силась мама. — Хотя и одна его воспитывала. У него ведь отец умер...

«Зачем она врет? — с тоской подумал Юрка. — При чем тут отец? Ведь Вячеслав Андреевич все знает!» Юрка взглядом попросил Вячеслава Андреевича, чтобы тот не выдавал его. Но Вячеслав Андреевич понял все и так. Он сделал вид, что ничего нового не услышал.

— Да, мне Юра говорил, — сказал он.

Мать строго взглянула на Юрку.

— Да, уж врать он не мастер, — сказала она. — Хотя и рано еще ему понимать об таких делах.

— Так как же? — деловым тоном спросил Вячеслав Андреевич. — Можно забирать вещи?

— Да уж не знаю, — сказала мама. — Как-то все это вдруг получилось. Даже не знаю. Пылесос, конечно, хорошо бы починить, он соседский... Да не знаю...

Но, видно, деловой тон гостя кое в чем убедил ее. Кое в чем... А кое в чем она еще сомневалась.

— Чайку не выпьете? — предложила она. — У меня варенье есть алычовое, сестра из Донбасса прислала.

— Спасибо. Я сладкого не люблю.

— Это, конечно, кто что любит... — согласилась мать. — А вы, значит, в институте учиться? Трудно небось?

— Как и всем, — сказал Вячеслав Андреевич.

— В каком же институте?

— В педагогическом.

Юрка краснел в своем углу, понимая нехитрые материнские ходы. Мать боялась доверять вещи незнакомому человеку. Она и хотела поверить и не могла. Она вела себя так, словно ее каждый день обворовывали, и Юрке было за нее стыдно.

— Так... — задумчиво протянула мама. — Значит, в педагогическом. Учителем будете... — Неожиданно мама повернулась к Юрке и воскликнула: — Господи, на кухне-то у меня чайник! Юра, беги выключи!

Юрка исчез за дверью. Мать тут же поднялась со стула и сказала гостю извиняющимся тоном:

— Пойду сама посмотрю. Знаете, как им доверять, вместо выключить еще включит чего-нибудь.

Юрка стоял перед газовой плитой, на которой не было никакого чайника. Мама торопливо вошла на кухню, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной.

— Ну, что ты еще придумал на мою голову! — сказала она тоном скорее жалобным, чем сердитым. — А если унесет и не принесет. Откуда ты его знаешь?!

— Что ты говоришь! — зашипел Юрка. — Он же учитель!
— Так он и сам говорит, что еще не учитель. Он у вас что, на уроках был?

— Был, — зашипел Юрка еще громче. — Его Майя Владимировна знает! Тебе бы только подозревать!

— Чего особенного? — мама возразила без всякой, впрочем, уверенности. — Разве спросить нельзя?

— Эх ты, и не стыдно тебе! — сказал Юрка.

— Чего же мне стыдно, — вяло возразила мама и неожиданно рассердилась: — Ты еще меня будешь стыдить! Сам стыдись, идол! Из-за тебя ведь все! Я еще с тобой разделаюсь! Будешь у меня по бабушкам бегать!

Но Юрка понимал уже, что никто с ним не разделается, что все налаживается. Мамин гнев, как угасающий костер, пыхал последними огоньками, да и то не потому, что ей хотелось сердиться, а просто потому, что неприлично было успокаиваться вот так, сразу.

Через десять минут Юрка и Вячеслав Андреевич уже стояли на лестничной площадке. Юрка держал пылесос, Вячеслав Андреевич — приемник. Мать стояла на пороге — успокоенная и почти счастливая.

— Большое вам спасибо! — говорила она. — Не знаю, как вас благодарить!

— Пока не за что, — ответил Вячеслав Андреевич.

— Да уж нет! Извините, есть за что, — сказала мать и вдруг, словно вспомнив что-то, всплеснула руками и скрылась.

— Юра, иди на минуточку, чего скажу, — слышался ее голос из глубины квартиры.

Юрка взглянул на Вячеслава Андреевича, пожал плечами: сами, мол, понимаете — разные капризы бывают у женщин. Он поставил пылесос на площадку и снова вошел в квартиру.

— На, возьми, отдай ему, может быть, человеку выпить захочется, — зашептала мама, суя Юрке скомканную трешку. — Мне самой неудобно.

— Мама, ты понимаешь, что говоришь?! Он же — учитель!

Мать сразу сникла, застыдилась и неловко отступила назад.

— Тогда скажи ему, пускай ко мне в парикмахерскую приходит. Я его обслуживать буду бесплатно. Надо же человека как-то отблагодарить...

— Да ничего ему не надо! — возмутился Юрка.

— Много ты понимаешь, — сказала мама. — Иди, не задерживай человека.

ПОСЛЕДНИЙ ВЫСТРЕЛ

В воскресенье Славик долго не хотел просыпаться. Он несколько раз открывал глаза, но тут же засыпал снова, всем телом ощущая, как это хорошо: лежать, отдыхать, не двигаться. После вчерашней беготни болели мускулы, но боль эта была приятна тем, что, повернувшись на другой бок, можно было ее успокоить — и тогда телу становилось легко, словно оно совсем ничего не весило.

Солнечные лучи путешествовали по комнате; они медленно ползли по обоям перед лицом Славика, и даже сквозь веки он ощущал свет и тепло.

Славик дремал и сонно думал, что вот сейчас его придут будить, но он даже не пошевелинется и притворится, что ничего не слышит. Папа, конечно, церемониться не станет. Он сдернет одеяло. Но если подтянуть колени к груди, сжаться в комок, то будет совсем не холодно и можно поспать еще несколько минут без одеяла.

Но никто не приходил будить Славика. В квартире стояла полная тишина. Спать можно было совершенно спокойно. Когда Славик это понял, то сон у него почему-то быстро прошел, и он встал.

Залитая солнцем комната казалась особенно нарядной. Славик стоял посреди комнаты в трусах, потягивался, ощущая, как уходит из него сон и на смену ему приходит светлое утреннее настроение, как у человека, с которым накануне случилось что-то хорошее.

Да и на самом деле, вчерашний день вышел довольно удачным. Конечно, пришлось побегать с ненужными никому билетами. Но зато победа над родителями не вызывала сомнений. Они так ничего и не смогли сделать со Славиком. Больше им не удастся разыгрывать эти истории с билетами.

Правда, борьба с родителями требовала довольно много усилий. Но зато — победа! Это тоже кое-что стоит.

Славик вышел в коридор, заглянул в другую комнату, на кухню. Никого не было. «Опять что-то затеяли», — подумал Славик и тут же услышал звонок телефона. Славик снял трубку.

— Ты уже встал? — спросил папин голос.

— Встал, — сказал Славик.

— Ну и хорошо. Я звоню с вокзала. Мы уезжаем.

— Понятно, — сказал Славик и дрыгнул ногой от восторга. — Вы забыли билеты?

— Нет, — сухо сказал папа. — Билеты у нас. Мы уезжаем на дачу к дяде Мише. Вернемся вечером.

— А что мне делать? — спросил Славик, ожидая, что сейчас ему дадут какое-нибудь поручение вроде вчерашнего.

— Что хочешь, — сказал папа.

В трубке раздались гудки отбоя. Славик повертел в руках трубку, оглядел ее, словно в ней должен был скрываться секрет очередной родительской хитрости.

Раздумьям Славика помешал новый звонок, на этот раз в передней. Славик заметался по комнате в поисках штанов. Их не было ни на стуле, где он вчера их оставил, ни в шкафу. Снова раздался звонок. Славик на цыпочках подошел к двери.

— Кто там?

— Это я, — слышался Юркин голос.

Славик открыл дверь. На площадке стоял Юрка. Вид у него был какой-то странный. Но Славiku сейчас было не до Юркиного вида.

— Здорово! — сказал Славик. — У меня штаны куда-то пропали. Помогай искать.

Вдвоем они обшарили обе комнаты и кухню, но ничего не нашли. Юрка старался даже больше Славика. Он ползал по полу на животе, вытирая пыль и заглядывая во все щели. Когда он попытался залезть на шкаф, Славик остановил его.

— Брось ты, они же сами убежать не могли. Я знаю, их в письменном столе заперли.

— Так ты надень другие, — посоветовал Юрка.

— Другие тоже заперли. Это они нарочно, чтобы я гулять не ходил. А сами в гости уехали.

— А я думал, мы с тобой гулять пойдем, — с сожалением сказал Юрка.

— А вот возьму и без штанов пойду! Им назло! — рассердился Славик.

— В милицию заберут, — вздохнул Юрка.

— Пускай забирают!

— Вообще-то, конечно...

— Что «конечно»?! Тебе интересно, чтобы меня в милицию забрали?!

— Да нет, — сказал Юрка, — это я так. Ты сам смотри. Сегодня они штаны заперли, а завтра еще что-нибудь придумают.

— Они вчера придумали, да ничего не получилось, — с гордостью сказал Славик. — Рассказать?

— Давай, — согласился Юрка.

Юрка слушал безо всякого интереса. Казалось, он не слушал, а думал в это время о чем-то, что было гораздо важнее истории Славика.

— Вообще-то здорово... — вяло сказал Юрка, когда Славик кончил. — Значит, ты с ними еще не помирился?

— Ни за что! — заявил Славик. — Они у меня узнают, как штаны прятать!

— А хочешь, я тебе свои принесу? — предложил Юрка. Славик обрадовался.

— Ты молодец! — сказал он. — Давай неси. Назло им гулять пойдем!

Юрка вернулся через десять минут. Он протянул Славiku газетный сверток, аккуратно обмотанный бечевкой. Славик бросил Сверток на пол, наступил на него ногой и разорвал бечевку.

— А у тебя что, мамы дома нет? — спросил Славик, натягивая первую штанину.

— Дома... — смущенно ответил Юрка.

— Как же она тебе штаны дала? — спросил Славик, натягивая вторую штанину.

— Дала... и все.

Славик застыл на месте. Только сейчас он понял, что означал этот аккуратный сверток. Самому Юрке ни за что бы так не завернуть. Значит...

— Ты помирился! — сказал Славик таким тоном, каким человеку говорят: «Ты — предатель!»

— Я? — спросил Юрка. — Почему? Что, она мне штаны дать не может?

— Не может, — твердо сказал Славик. — Я знаю: ты помирился.

— А что, я с ней все время должен ссориться? — буркнул Юрка. — Она что, фашист какой-нибудь?

— А уговор? — грозно спросил Славик.

Юрка промолчал, хотя мог бы сказать, что уговора этого ему не очень-то и хотелось.

— Ах так? — сказал Славик зловещим голосом. — Тогда не нужны мне твои штаны! Держи!

Славик стянул штаны и швырнул их Юрке. Юрка молча повернулся и пошел к двери. Но Славик в ту же секунду понял, что он не хочет отпустить Юрку просто так. Нужно, чтобы Юрка полностью рассчитался за свое предательство. Юрку следовало казнить, и Славик уже придумал, как это сделать.

— Стой! — приказал он. — Давай штаны. Ты сейчас пойдешь со мной.

Юрка послушно вернулся.

По улице Славик шел молча. Само собой разумелось, что Юрка должен был идти за ним. Они подошли к дому Галки.

— Обожди тут, — сказал Славик.

И снова Юрка его послушался.

Через несколько минут Славик вернулся с Галкой.

— Вот, видала предателя, — сказал Славик, указывая на Юрку. — Думает, наверное, пускай они одни стараются. И даже нас не предупредил! Я предлагаю его исключить, или пускай прощения просит.

— Откуда исключить? — спросила Галка.

— Из нашего уговора. Нам изменников не нужно!

Галка ничего не сказала. Казалось, она не слишком сердилась на Юрку.

— Он же предатель, — повторил Славик, удивляясь, что Галка не возмущается вместе с ним.

Юрка стерпел и на этот раз. Он был рад, что все наладилось у него дома. Он хотел, чтобы так же было и дома у Славика.

— Славик, — задумчиво сказала Галка, — а ты еще долго будешь... ну, как мы уговорились?

— Сколько нужно, столько и буду!

— А сколько нужно? Я вот сама придумала, а не знаю, сколько нужно?

— До победы!

— А когда будет победа?

— Когда ему штаны отдадут, — не выдержал Юрка.

— Молчи, предатель! — сказал Славик.

Юрка снова стерпел. Он привык, что Славик всегда оказывался правым в их спорах. Славик умел посмеяться над Юркой, а Юрке это никогда не удавалось. Возможно, Славик был умнее его. Возможно, так и должно быть: из двух друзей один всегда умнее и имеет право смеяться. И обижаться нельзя. Нужно уметь понимать шутки.

— А когда будет победа? — повторила Галка.

— Когда ты всех перестанешь бояться, как я, — твердо сказал Славик.

— У меня мама заболела. — сказала Галка. — Это — победа?

— Понятно! Ты тоже струсила! Испугалась, что в поход не возьмут?

— Я бы пошла в поход. Верно, Юрка?

— Верно, — сказал Юрка и сам удивился тому, что голос его звучал почти так же твердо, как у Славика.

— Значит, вы оба предатели, — спокойно сказал Славик. — Только ты — больше, потому что сама придумала и сама струсила.

— Да я не струсила. Совсем не потому...

— Молчи, предательница! — сказал Славик и выстрелил

в Галку. Галка упала, как подкошенная. И на этот раз Юрка, хоть он и не заметил Галкиной смерти, не вытерпел. За себя он сражаться не умел, но заступиться за Галку имел право.

— Ты чего всех обзываешь! Мало того, что надо мной смеешься, еще и к другим лезешь! А ну, снимай штаны! Сейчас снимай! — заорал Юрка так, что прохожие обернулись на его крик.

— Юра, ты чего? — испуганно сказала Галка.

— А ничего! — заорал Юрка еще громче. — Потому что он в моих штанах ходит. Пускай сейчас отдаст!

На несколько секунд Славик растерялся. Но только на несколько секунд. Он усмехнулся, презрительно сплюнул под ноги Юрке и Галке, повернулся и пошел прочь.

Юрка и Галка смотрели ему вслед. Гордо, не оборачиваясь, уходил от них Славик. Чужие штаны были ему как раз впору.

Галка и Юрка молчали. Уходил друг. И они не знали, хорошо это или плохо.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ДВА МАЛЬЧИКА	5
...И ДЕВОЧКА	13
МАМА	20
ЕЩЕ МАМА	28
И ЕЩЕ ОДНА МАМА	32
ДВА МАЛЬЧИКА И ДЕВОЧКА	39
ПАПА	53
ЕЩЕ ПАПА	58
БАБУШКА	66
НУ И НЕ НАДО!	78
А ЕСЛИ НАМ ТАК ХОЧЕТСЯ...	85
ПУСТЬ БЕЖИТ	95
СПАСЕНИЕ ПОГИБАЮЩИХ	98
ПОСЛЕДНИЙ ВЫСТРЕЛ	105

Для среднего возраста

Томин Юрий Геннадиевич

НЫНЧЕ ВСЕ НАОБОРОТ

Ответственный редактор

Е. Д. Ш и н и т н и к о в а.

Художественный редактор

Б. Г. С м и р н о в.

Технические редакторы

Т. С. Т и х о м и р о в а

и Т. Д. Р а т к е в и ч.

Корректоры

Л. Л. Б у б н о в а и В. Г. Ш и ш к и н а.

ИБ 1454

Сдано в набор 26/VIII 1976 г. Подписано к печати 17/I 1977 г.
Формат 60X90^{1/16}. Бумага офсетная № 2. Печ. л. 7. Усл. печ. л. 7.
Уч.-изд. л. 6,6. Тираж 100 000 экз. Зак. № 266. Цена 31 коп.
Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени
издательства «Детская литература». Ленинград, 192187, наб. Ку-
тузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавополиграфпрома
Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам
издательства, полиграфии и книжной торговли. Ленинград,
193036, 2-я Советская, 7.

Томин Ю. Г.

Т 56   **Нынче все наоборот. Повесть. Изд. 2-е. Рис.**
С. Спицына. Л., «Дет. лит.», 1977.

110 с. с ил.

Повесть о ребятах, которые, стремясь к независимости, противопоставляют себя всем: родителям, учителям, школьному коллективу. Ненавязчиво, тонко писатель говорит о том, что жить в обществе и быть свободным от общества нельзя.

P2, ср.

ЧИТАЙТЕ КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Ефимов И.
ПУРГА НАД «КАРТОЧНЫМ ДОМИКОМ»

ФАНТАСТ. ПОВЕСТЬ.
Рис. Ю. Данилова.
Л., 1975, 93 с.

Мусаханов В.
ЗА ДАЛЬНИМ ПОВОРОТОМ

ПОВЕСТЬ.
Рис. И. Латинского.
Л., 1976, 159 с.

Новогрудский Л.
ЗАКРЫТИЕ ОТКРЫТИЯ

РАССКАЗЫ.
Худож. Г. Вальк.
М., 1976, 94 с.

Принцев Ю.
СКАЧУ ЗА РАДУГОЙ

ПОВЕСТЬ.
Рис. Н. Носкович.
Л., 1975, 142 с.

Тублин В.
ЗОЛОТЫЕ ЯБЛОКИ ГЕСПЕРИД

ПОВЕСТЬ.
Рис. К. Швеца.
Л., 1976, 126 с.